

УДК 1(091)

СМЫСЛ И ФУНКЦИИ ПОНЯТИЯ АНТАГОНИЗМА В ФИЛОСОФИИ КАНТА

В. А. Чалый¹, Д. А. Козлова¹, Д. П. Жуков¹

Антагонизм представлен в статье как одна из ключевых категорий философии Канта. Выявлено становление смысла понятия в докритических работах Канта по натурфилософии под влиянием Ньютона. Кант преодолевает статический и провиденциальный механицизм Ньютона своей концепцией динамического развития вселенной из естественных причин. Монистическому и гармоническому видению предшествовавших метафизических (лейбницеанских) и «математических» (ньютонианских) доктрин он противопоставляет плюралистическое и антагонистическое, единственной силе притяжения — дуализм сил притяжения и отталкивания. Результатом становится специфическое кантовское понятие естественной истории как развития вселенной во взаимодействии противоположностей, где человеческая история выступает расширением естественной. Физические результаты Кант обобщил в разработке метафизического различия между логической и реальной противоположностями. Обоснование роли отталкивания и притяжения как необходимых понятий в мышлении о материи предложено в «Метафизических началах естествознания». Утверждается, что это развитие составило глубокую основу для появления широко известной концепции «необщительной общительности» в кантовской критической философии истории и политики. Показано, что это понятие является частным преломлением общего антагонистического миропонимания и не может считаться, как в основном принято в существующей литературе, несущественным и ма-

¹ Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Россия, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1. Поступила в редакцию: 07.11.2025 г.
doi: 10.5922/0207-6918-2026-1-1

THE MEANING AND FUNCTION OF THE CONCEPT OF ANTAGONISM IN KANT'S PHILOSOPHY

V. A. Chaly,¹ D. A. Kozlova,¹ D. P. Zhukov¹

Antagonism, although often neglected, is one of the key categories of Kant's philosophy. Its formation in Kant's pre-critical works on natural philosophy owes much to the influence of Newton. Kant overcomes Newton's static and providential mechanicism with his concept of dynamic development of the universe out of natural causes. He challenges the monistic and harmonious view of preceding metaphysical (Leibnizian) and "mathematical" (Newtonian) doctrines with a pluralistic and antagonistic one, the sole force of gravitation with the dualism of attraction and repulsion. The result is the characteristic Kantian concept of natural history as the development of the universe through the interaction of opposites whereby human history is an extension of natural history. Kant generalised the physical results by elaborating a metaphysical distinction between logical and real opposites. The role of repulsion and attraction as necessary concepts in the consideration of matter is grounded in the Metaphysical Foundations of Natural Science. This development was the underlying foundation of the widely known concept of "unsociable sociability" in Kant's critical philosophy of history and politics.

This concept is arguably a particular case of the general antagonistic worldview and it cannot be dismissed (as does much of the current literature) as a

¹ Lomonosov Moscow State University.
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia.
Received: 07.11.2025.
doi: 10.5922/0207-6918-2026-1-1

лозначимым добавлением к кантовскому политическому рационализму и идеализму.

Ключевые слова: антагонизм, притяжение и отталкивание, «реальная противоположность», «необщительная общительность», конфликт, спор, вражда, война, мир, Ньютон

Введение

Конфликты, споры, войны имеют причины в глубинах человеческой природы и являются неустранимой частью общественных отношений. Относительная стабильность и отсутствие в последние десятилетия крупномасштабных войн, начавшие казаться естественной нормой, привели к забвению базового обстоятельства антагонизма. Это придает актуальность обращению к классическим философским доктринам, предлагающим осмысление феномена антагонизма и искусства управления им.

Философия Канта заслуживает особого внимания. С одной стороны, в ней находят опору некоторые сильные версии современного универсализма и морально-политического рационализма или идеализма, претендующие на преодоление человеческой конфликтности. Существа, наделенные, согласно Канту и современным универсалистам, сходным, одинаковым или даже одним и тем же разумом или рациональностью, кажется, обречены на согласие, стоит им подняться над случайными частностями своих положений за «занавес неведения» (Дж. Ролз) или в публичное пространство (Ю. Хабермас). При таком взгляде правила, на которых основан порядок, а также их интерпретации внутренне присущи самому разуму либо являются его необходимым конструктом, и дело состоит лишь в том, чтобы осознать их самостоятельно или при помощи более просвещенных наставников и исполниться решимости им свободно следовать. Если и как только в некоторый исторический момент мы приходим к убеждению, что правила выявляе-

minor and insignificant addition to the Kantian political rationalism and idealism.

Keywords: antagonism, attraction and repulsion, “real opposition”, “unsociable sociability”, conflict, discord, enmity, war, peace, Newton

Introduction

Conflicts, discord and wars have deep roots in human nature and are part and parcel of social relations. The relative stability and absence in the past decades of large-scale wars, which came to be taken for granted, made people oblivious to this basic circumstance. This lends added relevance to the classical philosophical doctrines expounding the phenomenon of antagonism and the art of managing it. Kant's philosophy merits particular attention. On the one hand, it forms the basis of some strong versions of modern universalism and moral-political rationalism or idealism which claim to overcome human conflict-tendencies. Creatures endowed, according to Kant and modern universalists, with similar, identical or even the same reason or rationality, seem predetermined to be in agreement if only they rise above the contingent details of their situations, look from behind “the veil of ignorance” (John Rawls) or enter “the public space” (Jürgen Habermas). On this view, the rules on which order and their interpretation is based are inherent in reason or are its necessary constructs, so that it merely remains to become conscious of them independently or under the guidance of enlightened mentors and to follow the rules. If and when at some historical juncture we come to the conclusion that the rules have been fully revealed or constructed and a solid enough coalition or an epistemic community of unbiased rationality has been formed around

ны или сконструированы в полноте и по поводу их интерпретации сформировалась достаточно прочная коалиция или эпистемическое сообщество непредвзятой рациональности, а несогласные лишь недостаточно понятливы и предвзяты, то «вечный мир» или «конец истории» начинает казаться не регулятивной идеей, но достижимой реальностью, приближение которой можно и нужно ускорить не только из соображений полезности, но и из требований морального долга — и не только убеждением, но и принуждением. Так в общих чертах используется философия Канта в различных либеральных программах: теории демократического мира (М. Дойл, Б. Рассетт и др.), либеральном интернационализме (Дж. Айкенберри и др.), неолиберальном институционализме (Р. Кохейн и др.). Так же ее понимают и используют оппоненты современных кантианцев (Р. Каган и др.).

Вместе с тем философия Канта имеет и другую сторону, в основном забытую в современных дискуссиях, хотя явную в кантовских текстах. Для комплексного выражения смысла этой стороны Кант использует понятие антагонизма. Слово «антагонизм» — *Antagonism / Antagonismus*, различающиеся только формой написания, но не по смыслу, — и его производные встречаются в двадцати девяти томах кантовского академического собрания сочинений около трех десятков раз. Для сравнения, слово «разум» (*Vernunft*) и его производные используются около пяти тысяч раз. С сугубо количественной точки зрения может показаться, что понятие антагонизма в мысли Канта не играет существенной роли. Однако, как мы утверждаем, его смысл фундаментален и оно выполняет основополагающую функцию в объединении разделов кантовской философии как диахронически, от докритического к критическому и посткритическому периодам, так и синхронически для метафизики, логики, учения о природе, антропологии, философии истории и политики, этики и философии религии.

their interpretation (and those who disagree do so from a crude or biased standpoint) then “perpetual peace” or “the end of history” come to be perceived. This is seen not as a regulatory ideal but as an attainable goal. Its achievement can and must be expedited not only out of considerations of utility, but also out of a sense of moral duty. It is the bidding of moral duty. This is achieved not only by persuasion but also by coercion. This is basically how Kant’s philosophy is used by various liberal programmes: the theories of a democratic world (Michael Doyle, Bruce Russett and others), liberal internationalism (John Ikenberry and others) and neoliberal institutionalism (Robert Keohane and others). The opponents of modern Kantians understand and use it in a similar way (Robert Kagan and others).

At the same time there is another side to Kant’s philosophy, largely neglected yet clearly present in his texts. It centres around the concept of antagonism. *Antagonism / Antagonismus*, words differing only in spelling but not in meaning, occur in Kant’s twenty-nine volumes about thirty times. For the sake of comparison, the word for “reason” (*Vernunft*) and its derivatives occur about five thousand times. Numerically, it may seem that the concept of antagonism does not play a significant role in Kant’s thought. And yet we maintain that its role is fundamental, performing as it does the function of linking the departments of the Kantian philosophy diachronically from the pre-critical to the critical and post-critical periods, and synchronically to metaphysics, logic, natural science, anthropology, philosophy of history and politics, ethics and the philosophy of religion.

This article attempts a comprehensive description of the meanings and functions of the Kantian concept of antagonism and

Цель нашей статьи — предложить комплексное описание смыслов и функций кантовского понятия антагонизма, а также обосновать его центральное положение в кантовской философии. Мы подходим к задаче определения смысла и функций через анализ истории развития кантовских взглядов на антагонизм от ранних работ до работ по философии истории 1780-х гг., где это понятие получает наиболее явное и обсуждаемое в современной литературе определение. Основной и непосредственный результат нашего исследования относится к философии политики и, в частности, международных отношений, где интерпретации Канта особенно избирательно акцентируют рационально-идеалистическую сторону его философии в ущерб внерационально-реалистической.

1. Состояние исследований

В современных кантовских исследованиях антагонизм отождествляется с «необщительной общительностью» и интерпретируется как временное, случайное препятствие на историческом пути к гегемонии разума. Исключение составляет книга Г. Сименса (Siemens, 2024), содержащая попытку дать многостороннюю интерпретацию кантовского антагонизма, однако это исследование построено на сопоставлении Канта и Ницше и исходит из ницшеанской, а не из кантианской перспективы. Существуют исследования логического противоречия и реальной противоположности в постмарксистских дискуссиях вокруг концепции «агональной демократии» Ш. Муфф и Э. Лакло (Laclau, Mouffe, 2001), однако в них Кант, его видение и контекст не занимают существенного места. Еще одна релевантная современная дискуссия посвящена кантовской метафизике природы, в которой важны силы притяжения и отталкивания (Friedman, 1992; 2013; Howard, 2021; Kant..., 2001; Stan, 2025; Warren, 2010; Watkins, 2013 и др.), однако она также не касается

makes a case for its central position in Kant's philosophy. We approach the task of defining the meaning and functions through the analysis of the evolution of Kant's views on antagonism from his early works to the works on the history of philosophy in the 1780s. These give a more explicit definition, the one that is discussed in the modern literature. The main and most immediate result of our study has to do with the philosophy of politics, in particular of international relations where Kant interpretations selectively stress the rational-idealistic side of his philosophy at the expense of the non-rational realistic side.

1. Current State of Studies

Modern Kant scholarship identifies antagonism with “unsociable sociability”, interpreting it as a temporary and accidental obstacle on the historical path towards hegemony of reason. An exception is the book by Herman Siemens (2024) who attempts to look at Kantian antagonism from many sides but compares Kant and Nietzsche, proceeding from a Nietzschean and not a Kantian perspective. There are also studies of logical contradiction and real opposition in post-Marxist discussions around the concept of “agonistic democracy” (Laclau and Mouffe, 2001), but Kant's vision and context are not central there. Another relevant modern discussion is devoted to the Kantian metaphysics of nature in which the forces of attraction and repulsion are important (Friedman, 1992; 2013; Howard, 2021; Stan, 2025; Warren, 2010; Watkins, 2001; 2013 etc.), but it, too, does not cover the other aspects and general meaning of antagonism.

Let us take a closer look at some notable interpretations of “unsociable sociability” as antagonism in the political-philosophical

вопроса о других аспектах и общем значении антагонизма.

Рассмотрим подробнее основные интерпретации «необщительной общительности» как антагонизма в политико-философской кантианской литературе. Собственно понятие антагонизма рассматривается лишь в нескольких работах. Г. Уильямс в книге «Политическая философия Канта» предлагает краткий историко-философский анализ генезиса этого понятия у Канта (Williams, 1983, p. 7–10), однако впоследствии заключает, что оно преодолевается тем, что Уильямс называет кантовской доктриной «исторического оптимизма», то есть уверенностью в благоприятном для человечества исходе истории (Williams, 1992). В коллективной монографии «Политическая теория Канта», связывающей философию Канта и современную политологию, есть раздел, посвященный «необщительной общительности», однако сводящий это явление к области отношений между индивидами (Ferguson, 2012). В монументальном «Kant-Lexikon» (Kant-Lexikon, 2015), насчитывающем 2395 статей, статьи об антагонизме нет, хотя есть статьи «Необщительная общительность», «Война», «Противоположность, логическая и реальная», «Спор». Краткая статья об антагонизме, состоящая из двух главных определений антагонизма у Канта, обнаруживается в сравнительно небольшом «Kant-Lexikon» Р. Айслера (Eisler, 1930). Х. Эстеves в формате статьи рассматривает проблему метафизического антагонизма природы и свободы в кантовской философии, не соотнося ее с этическим, социальным и политическим уровнями и не проводя анализа самого понятия, которое встречается только в заглавии (Esteves, 2018).

Доминирующий в современном кантианстве рационалистический взгляд представляет А. Вуд, утверждая, что согласно «сознательному и коллективному» плану разума естественный антагонизм между людьми «будет по-

Kantian literature. The concept of antagonism proper is the subject only of a few works. Howard Williams (1983, pp. 7-10) in his book, *Kant's Political Philosophy*, gives a historical-philosophical overview of the genesis of Kant's concept of antagonism, but later states that it is overshadowed by what Williams (1992) calls the Kantian doctrine of "historical optimism," i.e. the confidence that things will work out favourably for humankind. The collective monograph *Kant's Political Theory* which links Kant's philosophy and modern political science has a chapter devoted to "unsociable sociability" but reduces this phenomenon to the domain of relations between individuals (Ferguson, 2012). The monumental *Kant-Lexikon*, which has 2395 entries, does not include an entry on antagonism although it has entries on "Unsociable Sociability", "War", "Opposition: Logical and Real", and "Dispute" (Willaschek et al., 2015). The comparatively small *Kant-Lexikon* of Rudolf Eisler (1930) has a short entry on antagonism containing Kant's two main definitions of antagonism. Julio Esteves (2018) examines in an article the problem of metaphysical antagonism between nature and freedom in Kantian philosophy without relating it to the ethical, social and political levels and analysing the concept that only appears in the title.

The rationalist view that prevails in modern Kantianism is represented by Allen W. Wood (1991, p. 343) who believes that according to "a conscious and collective plan" of reason the natural antagonism between people "will gradually be overcome, vanquished by reason's free concord". The well-known Kantian philosopher of law, Arthur Ripstein (2021, p. 228) asserts the same with regard to relations between nations: "An international legal order replaces the private-legal concept

степенно преодолен, побежден свободным согласием разума» (Wood, 1991, p. 343). Известный кантианский философ права А. Рипстин утверждает то же самое в отношении народов: международный правовой порядок заменяет «антагонизм, соответствующий внешней свободе, благодаря которой каждый может сохранить то, что ему принадлежит, но не способ его приобретения», «рациональной идеей мирного, пусть и не дружелюбного, всеобъемлющего сообщества всех наций на земле», что позволяет разрешать споры «цивилизованным образом, как если бы это был судебный процесс, а не способом варварским» (Ripstein, 2021, p. 228). В отечественной литературе кантианские философские основания теории международных отношений рассматривают Е. Ю. Винокуров (Винокуров, 2001), А. Н. Саликов (Саликов, 2013), А. Е. Кутейников и В. А. Чалый (Кутейников, Чалый, 2013). Проблему интерпретации идей Канта в ситуации войны и о войне исследуют Н. А. Дмитриева (Дмитриева, 2014) и А. Н. Круглов (Круглов, 2020а; 2020б). Однако антагонизм в данных работах специально не рассматривается. В целом анализ состояния кантианских исследований показывает преобладание универалистско-рационалистической позиции, для которой «необщительная общительность» является если не единственным, то главным аспектом антагонизма и либо преодолевается разумом, либо вовсе «оказывается тем способом, которым проявляется сам разум» (McCloughan, 2003, p. 43).

2. Понятие антагонизма в текстах Канта

2.1. Хронология основных употреблений термина «антагонизм» и его производных в работах Канта

1. (1755) «Новое освещение первых принципов метафизического познания». Кант в диссертации на латыни именует критикуемого оппонента «антагонистом» (AA 01, S. 400, 405).

of “an antagonism in accordance with outer freedom by which each can preserve what belongs to it, but not a way of acquiring”, with the “rational idea of a peaceful, even if not friendly, thoroughgoing community of all nations on the earth”, making it possible for disputes to be decided “in a civil way, as if by a lawsuit, rather than in a barbaric way”. In Russia, Kantian philosophical foundations of the theory of international relations are studied by Yevgeniy E. Vinokurov (2001), Alexey N. Salikov (2013), Alexander E. Kuteinikov and Vadim A. Chaly (2013). Nina A. Dmitrieva (2014) and Alexey N. Krouglov (2020a; 2020b) explore the problem of interpretations of Kant’s ideas in a situation of war and about war. However, these works do not specifically examine antagonism. On the whole, analysis of the current state of Kantian studies reveals the prevalence of the universalist-rationalistic position for which “unsociable sociability” is the main, if not the only aspect of antagonism which is either overcome by reason or “reveals itself to be just the way in which reason itself is manifested” (McCloughan, 2003, p. 43).

2. The Concept of Antagonism in Kant’s Texts

2.1. Chronology of the Main Uses of the Term “Antagonism” and Its Derivatives in Kant’s Works

1. (1755) *The New Elucidation of the First Principles of Metaphysical Cognition*. In his Latin-language dissertation Kant calls his opponent “antagonist” (PND, AA 01, p. 400, 405).

2. (1766) *Dreams of Spirit-Seer Elucidated by Dreams of Metaphysics*. Antagonism between theoretical learning and practical wisdom (TG, AA 02, p. 369).

2. (1766) «Грезы духовидца, поясненные грезами метафизики». Антагонизм теоретической учености и практической мудрости (AA 02, S. 369).

3. (1772/73) В лекциях по антропологии проводится аналогия между мышцами-антагонистами и чередующимися умственными занятиями (AA 25, S. 37, 63; AA 25, S. 286).

4. (1781–1782?) В лекциях по антропологии появляется тема антагонизма добра и зла и «необщительная общительность» (AA 25, S. 1199).

5. (1784) «Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане». Первое и основное определение понятия антагонизма в связи с «необщительной общительностью» (AA 08, S. 20) и его развитие (S. 22), в том числе в применении к международным отношениям (S. 24).

6. (1785) «Основоположение к метафизике нравов». Антагонизм или «естественная диалектика» склонностей и предписаний разума (AA 04, S. 405, 424).

7. (1786) «Метафизические начала естествознания». Антагонизм сил в материи как причина протяженности, движения и взаимодействия (AA 04, S. 551, 562, 563).

8. (1793) «О поговорке: “может быть это и верно в теории, но не годится для практики”». Антагонизм людей в их свободе (AA 08, S. 306).

9. (1797) «Метафизика нравов». Идея международного права содержит в себе понятие антагонизма государств в соответствии с принципами внешней свободы (AA 06, S. 347).

10. (1798) «Антропология с прагматической точки зрения». Антагонизм или реальная, но не логическая, противоположность боли и наслаждения, удовольствия и неудовольствия (AA 07, S. 230–231).

11. (1798) «Спор факультетов». Антагонизм определяется как спор сторон, связанных друг с другом общностью конечной цели, и отличается от войны (AA 07, S. 35–36).

3. (1772/73) In lectures on anthropology an analogy is drawn between antagonistic muscles and intermittent mental activities (*V-Anth/Collins*, AA 25, p. 37, 63; *V-Anth/Parow*, AA 25, p. 286).

4. (1781–1782?) The theme of antagonism between good and evil and “unsociable sociability” crops up in lectures on anthropology (*V-Anth/Mensch*, AA 25, p. 1199).

5. (1784) “Idea for a Universal History with a Cosmopolitan Aim”. The first and main definition of the concept of antagonism in connection with “unsociable sociability” (*IaG*, AA 08, p. 20) and its development (*ibid.*, p. 22), with reference to international relations (*ibid.*, p. 24).

6. (1785) *Groundwork of the Metaphysics of Morals*. Antagonism or “natural dialectic” of aptitudes and prescriptions of reason (*GMS*, AA 04, p. 405, 424).

7. (1786) *Metaphysical Foundations of Natural Science*. Antagonism between forces in matter as the cause of extension, motion and interaction (*MAN*, AA 04, p. 551, 562, 563).

8. (1793) “On the Common Saying: That May Be Correct in Theory, but It Is of No Use in Practice”. Antagonism between people in their freedom (*TP*, AA 08, p. 306).

9. (1797) *The Metaphysics of Morals*. The idea of international law contains the concept of antagonism between states in accordance with the principles of outer freedom (*MS*, AA 06, p. 347).

10. (1798) *Anthropology from a Pragmatic Point of View*. Antagonism or real, and not logical opposition between pain and enjoyment, pleasure and displeasure (*Anth*, AA 07, pp. 230–231).

11. (1798) *The Conflict of the Faculties*. Antagonism is defined as a dispute between sides which have a shared goal, and is thus different from war (*SF*, AA 07, pp. 35–36).

12. (1798) Заметки к «Спору факультетов». Антагонизм разума и веры как основа спора философского и теологического факультетов (AA 23, S. 451, 453)

13. (Ок. 1790–1803) Заметки и «*Opus postumum*». Здоровье определяется как равновесие в антагонизме жизненных сил в теле животного (AA 15, S. 963; AA 22, S. 511). Упоминается антагонизм физических сил (AA 21, S. 193, 351; AA 22, S. 609).

Определение антагонизма встречается один раз (6), впоследствии оно расширяется указанием на единство конечной цели антагонистических сторон (11). Значимые употребления понятия можно сгруппировать вокруг нескольких тем. Во-первых, антагонизм сил характеризует фундаментальные природные процессы (7). Наиболее явно Кант пишет об этом в «*Метафизических началах естествознания*» (1786), где указывает на «закон антагонизма во всяком взаимодействии материи благодаря движению» (AA 04, S. 562; Кант, 1994б, с. 369), а возможность движения объясняет отталкиванием и притяжением. Неявно это же антагонистическое понимание материи, движения и развития содержится в самых первых работах Канта и составляет основу докритической небулярной гипотезы 1755 г., где дуализм отталкивания и притяжения вводится как причина образования небесных тел. Движущаяся (развивающаяся) и протяженная материя возможна благодаря силам притяжения и отталкивания, которые представляют собой базовый вид реальной противоположности. Поэтому ранние натурфилософские работы необходимы для понимания происхождения и становления кантовского антагонистического видения, хотя в них и нет термина «антагонизм».

Поскольку основная новизна нашей работы состоит в представлении «необщительной общительности» как части общего кантовского понимания природы, обоснование этой связи составит самый обширный раздел статьи.

12. (1798) Notes for *The Conflict of Faculties*. Antagonism between reason and faith as the basis of the argument between the philosophical and theological faculties (VASF, AA 23, p. 451, 453)

13. (Circa 1790–1803) Notes and *Opus postumum*. Health is defined as equilibrium in the antagonism of life forces in the animal's body (HN, AA 15, p. 963; AA 22, p. 511). Antagonism of physical forces is mentioned (OP, AA 21, p. 193, 351; AA 22, p. 609).

Definition of antagonism occurs once (6), later it is broadened by reference to the common ultimate goal of the antagonistic sides (11). Meaningful uses of the concept can be grouped around several topics. First, antagonism of forces characterises fundamental natural processes (7). Kant writes about it in the most explicit way in the *Metaphysical Foundations of Natural Science* (1786), where he points to “the law of antagonism in all community of matter through motion” (MAN, AA 04, p. 562; Kant, 2002, p. 268) and explains the possibility of motion by repulsion and attraction. Implicitly, this antagonistic concept of nature, motion and development is contained in Kant's earliest works and forms the basis of the 1755 pre-critical nebular hypothesis where dualism of repulsion and attraction is introduced as the cause of the formation of celestial bodies. Moving (developing) and extended matter is made possible by the forces of attraction and repulsion which represent the basic type of real opposition. That is why early works on natural philosophy are essential for understanding the origin and evolution of Kant's antagonistic vision, even though they do not use the term “antagonism”. Because the main novelty of our work is the presentation of “unsociable sociability” as part of the overall Kantian understanding of nature, the grounding of this connection forms the largest part of this article. Second, the content of the concept of antagonism acquires a new aspect in Kant's treatment of the difference of the real, i.e. physical, opposition from logical

Во-вторых, содержание понятия антагонизма обретает новый аспект в кантовской проработке отличия реальной, то есть физической, противоположности от логической. Наконец, человеческая «необщительная общительность» становится важным частным случаем общего природного антагонизма в работах 1780–1790-х гг. (4, 5, 8, 9, 11). Это наиболее освоенная в современной литературе часть кантовской парадигмы, и мы не будем описывать ее подробно, но свяжем с общим кантовским пониманием природы и мышления о ней. В этой статье мы можем лишь упомянуть внутренний антагонизм человеческих мотивов (6, 10), потому что его подробное исследование потребовало бы погружения в кантовскую этику, антропологию и философию религии. Мы также не будем касаться антагонистических сюжетов в кантовской теории познания — взаимодействия разума и веры (12), чувственности и рассудка, рецептивности и спонтанности, антиномичности разума, несовпадения ограниченных частных перспектив или взглядов на многообразие всего возможного опыта, «естественной диалектики», состязательности критики.

2.2. Антагонизм сил в природе

Формирование интеллектуального мира Канта происходило в контексте столкновения пиетизма, вольфо-лейбницевской программы и ньютонианства. Учителя и сверстники Канта в Кёнигсберге, достаточно удаленном от центров конфронтации пиетистов, «метафизиков» и «математиков» в Берлине и Халле, были заняты, по сути, попытками снять антагонизм программ в синтезе (Schönfeld, 2000; Schönfeld, Thompson, 2014). Этот синтез должен был сохранить достижения ньютонианства, то есть точное механическое объяснение чувственного мира, но поместить их в более широкую лейбницеанскую метафизическую рамку, объясняющую лежащий за явлениями интеллигибель-

opposition. Finally, human “unsociable sociability” becomes an important particular case of general natural antagonism in the works of the 1780s and 1790s (4, 5, 8, 9, 11). Since this is the best studied part of the Kantian paradigm, we will not dwell on it at any length but will link it to the overall Kantian vision of nature. Here we will merely mention the inner antagonism of human motives (6, 10) because a detailed study would require an immersion in the Kantian ethics, anthropology and philosophy of religion. Likewise, we will not touch upon antagonistic elements in Kant’s theory of cognition, the interaction between reason and faith (12), sensibility and understanding, receptivity and spontaneity, the antinomic character of reason, the discrepancy between private perspectives or views on the manifold of all possible experience, “the natural dialectics” and adversariness of critique.

2.2. Antagonism of Forces in Nature

Kant’s intellectual world was formed in the context of the clash between pietism, the Wolffian-Leibnizian programme and Newtonianism. Kant’s teachers and co-evals in Königsberg (relatively remote from the centres of confrontations between pietists, “metaphysicians” and “mathematicians” in Berlin and Halle) were essentially engaged in attempts to sublimate the antagonism of the programmes through synthesis (Schönfeld, 2000; Schönfeld and Thompson, 2014). The synthesis was to preserve the achievements of Newtonianism i.e. precise mechanistic explanation of the sensible world, but place it in the broader Leibnizian metaphysical framework which explains the intelligible world behind the phenomena and overcomes the limitations of mechanicism. This framework was to be built into the pietist religious worldview. Kant tried to give his own resolution to these fundamental clashes.

ный мир и преодолевающую ограниченность механицизма. А эта рамка должна была быть встроена в пиелистское религиозное мировоззрение. Кант попытался дать свое разрешение этих фундаментальных столкновений. Метод демонстрации единства антагонистических противоположностей стал его общей философской стратегией.

Кантоведы расходятся в оценках мер влияния на Канта двух его главных учителей, более старшего Иоганна Готфрида Теске (1704–1772) и более известного Мартина Кнутцена (1713–1751), однако оба они работали над философскими проблемами физики. Кнутцен при этом пытался дать вольфианскую интерпретацию вскрытым и описанным ньютонами явлениям, а Теске сочетал физику с пиелизмом. В спорах о достоинствах и недостатках ньютоновской программы учитывались не только «Математические начала натуральной философии» (1687), но и более доступная и шире известная — и отличающаяся в ряде вопросов — «Оптика» (1704/1717) (Massimi, 2011). Этим же проблемам были посвящены некоторые опыты Фридриха Иоганна Бука (1722–1786) и Иоганна Фридриха Вайтенкампа (1726–1758) — сверстников и конкурентов Канта за внимание учителей и университетские позиции (Pozzo, 1993; Schönfeld, Thompson, 2014). Таким образом, столкновение двух программ дало стимул для кантовской мысли, а конкуренция в академической среде усилила ее напряжение.

Философская и научная карьера Канта началась в 1747 г. вступлением в спор о «живых силах», развернувшийся в основном между партиями лейбницеанцев и картезианцев, но затрагивавший и основы ньютоновства (Watkins, 2013, p. 430). Вместо того чтобы представить диссертацию на латыни и завершить ею обучение, молодой философ попытался, пусть с опозданием, разрешить одну из главных натурфилософских проблем того времени (Кюн, 2021, с. 128). Попытки снять антагонизм лейб-

The method of demonstrating the unity of antagonistic opposites became his general philosophical strategy.

Kant scholars have no consensus as to the degree to which Kant was influenced by two of his main teachers, the older Johann Gottfried Teske (1704–1772) and the better-known Martin Knutzen (1713–1751), although both of them worked on the philosophical problems of physics. Knutzen tried to give a Wolffian interpretation to the phenomena discovered and described by Newtonians while Teske combined physics with pietism. The arguments about the merits and demerits of the Newtonian programme took into account not only *Philosophiæ Naturalis Principia Mathematica* (1687), but the more accessible and better known — and differing in some issues — *Opticks* (1704/1717) (Massimi, 2011). The same problems engaged Kant's co-evals and rivals who were seeking the attention of teachers and university positions e.g. Friedrich Johann Buck (1722–1786) and Johann Friedrich Weitenkampf (1726–1758) (Pozzo, 1993; Schönfeld and Thompson, 2014). Thus, the clash of the two programmes gave an impetus to Kant's thought while competition in the academic milieu increased its intensity.

Kant's philosophical and scientific career began in 1747 when he joined the argument about “living forces” which unfolded mainly between the parties of Leibnizians and Cartesians, but also touched on the foundations of Newtonianism (Watkins, 2013, p. 430). Instead of presenting a dissertation in Latin the young philosopher tried, albeit belatedly, to solve one of the main problems of natural science at the time (Kuehn, 2021, p. 128). Attempts to sublimate the antagonisms between Leibnizianism and Newtonianism, mathematized empiricism and metaphysical

ницеанства и ньютонианства, математизированного эмпиризма и метафизического рационализма составили ось развития мысли Канта на протяжении первых десятилетий творчества и оказали формирующее влияние на критическую философию. В своей первой работе Кант отрицает внешний характер и единственность силы притяжения и утверждает, что «каждое тело обладает сущностной силой» (AA 01, S. 17; Кант, 1994в, с. 62). Эта позиция открывает возможность построения плюралистической антагонистической концепции сил.

Антагонистический взгляд на устройство и развитие мироздания был полнее развернут Кантом в 1755 г. во «Всеобщей естественной истории и теории неба». Этот трактат стал попыткой усовершенствовать ньютонианскую парадигму: там, где Ньютон изобразил устроенную и поддерживаемую Богом Вселенную, Кант предложил спекулятивную гипотезу о ее имманентном естественном генезисе и стабильности через антагонизм сил.

Одним из главных парадоксов модели Ньютона, изложенной в «Математических началах натуральной философии» (1687), было отсутствие в ней объяснения стабильности Вселенной. Если Вселенная конечна, то действие единственной силы всемирного тяготения должно привести к схлопыванию материи в расположенное в центре сил бесконечно малое тело бесконечно большой плотности, к гравитационному коллапсу. Если бесконечна, то в любой ее точке бесконечно большая сила будет действовать во всех направлениях, что должно вызвать гравитационный разрыв. Ньютон хорошо понимал эту проблему и ранее обдумывал в роли «стабилизатора» эфир (Newton, 1978), но в «Началах» отказался от постулирования этой лишней субстанции, «ничем себя не проявляющей» (Ньютон, 1989, с. 19). Проблему понимали и читатели «Начал», такие как кембриджский теолог Ричард Бентли (1662–1742). Отвечая в письмах на вопрос Бент-

rationism formed the axis of Kant's philosophical development in the early decades of his career and exerted a formative influence on his critical philosophy. In his first work Kant denies that the force of attraction is external and one, claiming that “every body has an essential force” (GSK, AA 01, p. 17; Kant, 2012a, p. 22). This position makes it possible to construct a pluralistic antagonistic concept of forces.

Kant elaborated the antagonistic view of the structure and development of the universe in the *Universal Natural History and Theory of the Heavens* (1755). The treatise marked an attempt to improve the Newtonian paradigm: where Newton described a Universe created and maintained by God, Kant put forward a speculative hypothesis of its immanent natural genesis and stability through antagonism of forces.

One of the paradoxes of Newton's model set forth in *Philosophiæ Naturalis Principia Mathematica* was that it did not explain the stability of the Universe. If the Universe is finite, then the single force of gravitation should have caused an implosion of matter into an infinitely small body of great density located in the centre. If it is infinite, the action of the same force at any point would be infinitely great in all directions, causing a gravitational rupture. Newton was well aware of this problem and had earlier contemplated ether as the stabiliser (Newton, 1978), but in *Principia* he dropped it as a substance which was “of no efficacy at all” (see Newton, 1729, p. 28). The problem was understood by the readers of *Principia* such as Richard Bentley (1662–1742), a Cambridge theologian. Replying in his letters to Bentley's question about the foundations of stability Newton argued that the universe was probably infinite and that incontestable

ли об основаниях стабильности, Ньютон указывал на вероятную бесконечность вселенной и несомненную божественную мудрость в расположении материи таким образом, чтобы взаимное притяжение оставалось в равновесии (Newton, 1756, p. 2–3). По сути, это означало постоянное чудесное вмешательство бесконечной божественной силы в порядок природы, также изначально и сразу установленный Богом, но ни Ньютону, ни Бентли такая гипотеза не казалась проблематичной. Одно из самых первых и непреходящих достижений Канта состояло в решительном требовании и попытке сугубо научного, а не теологического объяснения не только равновесия небесных тел, но и их возникновения. Девизом кантовской физической программы, и докритической, и критической, стало *«дайте мне материю, и я построю из нее мир»* (AA 01, S. 230; Кант, 1994а, с. 123).

Кант нашел ресурсы для своих новаторских построений у самого Ньютона, и прежде всего в Вопросах к «Оптике». Вопросы представляли собой своего рода завещание великого естествоиспытателя в виде набора проблем и набросков их возможных решений. Метод Вопросов был не математическим, но спекулятивным, использовавшим гипотезы и мысленные эксперименты вместо и до формализаций (хорошая новость для не владевшего требуемым математическим аппаратом Канта). По сути, Ньютон сделал здесь серию гипотетических шагов и предложил будущим поколениям продолжить труд, то есть попытаться дедуктировать и проверить следствия из его догадок или абдукций. Кант был одним из многих откликнувшихся на этот призыв, но его проработка ньютоновского «завещания» оказалась наиболее философски глубокой из тогдашних альтернатив (Brading, Stan, 2024, p. 169–200).

Для нашего исследования наиболее существенно высказанное Ньютоном в завершающей книге Вопросе 31 признание того, что сила тяготения или притяжения может и не

divine wisdom had arranged matter in such a way that mutual action was balanced (Newton, 1756, pp. 2-3). In effect it meant constant divine intervention in the natural order of things also established by God initially and at once, but neither Newton nor Bentley considered this hypothesis to be problematic. One of the earliest and intransigent achievements of Kant was the resolute demand for and the attempt at a strictly scientific and not theological explanation not only of the balance of celestial bodies, but of their emergence. The motto of Kant's physical program, both pre-critical and critical, was "Give me matter and I will build a world out of it" (NTH, AA 01, p. 230; Kant, 2012b, p. 200).

Kant found the resources of his innovative ideas in Newton, above all in his *Questions on Opticks*. The questions were like the great naturalist's testament in the shape of a set of problems and suggestions for their possible solution. The method of Questions was not mathematical, but speculative, using hypotheses and thought experiments instead of and before formalisations (good news for Kant who did not have the requisite mathematical skills). In effect, Newton here took a series of hypothetical steps, inviting the future generations to continue the work i.e. to try to deduce and verify the consequences of his guesses or abductions. Kant was one of the many who responded to this call, but his assimilation of Newton's "testament" was philosophically more profound than the alternatives then put forward (Brading and Stan, 2024, pp. 169-200).

For our purpose the most important was Newton's admission in the concluding Question 31 that the force of gravitation or attraction may or may not be, as posited in the *Principia*, the only force and that phenomena

быть, как полагалось в «Началах», единственной, что явления указывают также на действие «отталкивательной силы»:

...так же, как в алгебре, там, где исчезают и прекращаются положительные количества, начинаются отрицательные, так и в механике, — там, где прекращается притяжение, должна заступать отталкивательная способность. Существование такой способности следует, по-видимому, из отражений и изгибаний лучей света. Ибо в обоих этих случаях лучи отталкиваются телами без непосредственного контакта с отражающим или огибаемым телом. <...> Эти огромные сжатия и расширения кажутся непостижимыми, если вымышлять пружинные или ветвистые частицы воздуха или закрученные в виде обруча или еще каких-либо иных видов, но без отталкивательной силы (Ньютон, 1954, с. 299—300).

Силе отталкивания не нашлось места в публичной небесной механике «Начал» по двум причинам. Методологические соображения требовали простоты, а введение второй силы означало радикальное умножение сущностей. Теологические соображения требовали единства божественного порядка, основанного на правилах, гарантировавших от противоречий и коллизий, — показательно, что в этом своем стремлении к абсолютному единству Ньютон-теолог доходил до решительного антитринитаризма. Эти два соображения были теснейшим образом связаны и определяли направление усилий Ньютона в построении небесной механики (Henry, 2023). В результате «негативная» и даже еретически опасная сила-двойник оказалась вытесненной ради кажущейся гармонии и завершенности мироздания в руках единственного суверена. Однако она понадобилась в «Оптике», причем для объяснения не только конкретных, хотя и базовых, феноменов упругости и отражения, но и общей связности, единства мира: «Итак, природа весьма схожа в себе самой и очень проста, выполняя все большие движения небесных тел

might point to the existence of “a repulsive Power”:

[...] as in Algebra, where affirmative Quantities vanish and cease, there negative ones begin; so in Mechanicks, where Attraction ceases, there a repulsive Virtue ought to succeed. And that there is such a Virtue, seems to follow from the Reflexions and Inflexions of the Rays of Light. For the Rays are repelled by Bodies in both these Cases, without the immediate Contact of the reflecting or inflecting Body. It seems also to follow from the Emission of Light; the Ray so soon as it is shaken off from a shining Body. [...] Which vast Contraction and Expansion seems unintelligible, by feigning the Particles of Air to be springy and ramous, or rolled up like Hoops, or by any other means than a repulsive Power (Newton, 1979, pp. 395-396).

The public celestial mechanics of the *Principia* had no room for the repulsive force for two reasons. Methodology demanded simplicity whereas the introduction of a second force would dramatically multiply the number of entities. Theological considerations demanded a unity of the divine rule-based order that were a guarantee against contradictions and collisions. Tellingly, in his quest for absolute unity Newton the theologian embraced anti-trinitarianism. These two considerations were closely linked, determining Newton's efforts in building a celestial mechanics (cf. Henry, 2023). As a result, the “negative” and heretically dangerous twin force was ousted for the sake of seeming harmony and completeness of the universe in the hands of one sovereign. However, it was brought back in *Opticks* and, what is more, it was brought back to explain not only concrete although basic phenomena of elasticity and refraction, but for the sake of general cohesion and unity of the world: “And thus Nature will be very conformable to her self and very simple, performing all the great Motions of the

при помощи притяжения тяготения, являющегося посредником между этими телами, и все малые движения частиц этих тел — при помощи некоторых иных притягательных и отталкивательных сил, связывающих эти частицы» (Ньютон, 1954, с. 301).

Во «Всеобщей естественной истории и теории неба», с уточняющим вторым заглавием «...или Опыт об устройстве и механическом происхождении всего мироздания, истолкованных сообразно принципам Ньютона», Кант вводит силу отталкивания, прямо ссылаясь на Ньютона, чья позиция, однако, никогда не имела приписываемой Кантом определенности:

Представив мир в состоянии простейшего хаоса, я объяснил великий порядок природы только силой притяжения и силой отталкивания — двумя силами, которые одинаково достоверны, одинаково просты и вместе с тем одинаково первичны и всеобщы. Обе они заимствованы мною из философии Ньютона. Первая в настоящее время есть уже совершенно бесспорный закон природы. Вторая, которой физика Ньютона, быть может, не в состоянии сообщить такую же отчетливость, как первой, принимается здесь мною только в том смысле, в каком ее никто не оспаривает, а именно для материи в состоянии наибольшей разреженности, как, например, для паров. На столь простых основаниях я совершенно естественно строю всю свою последующую систему, не делая никаких выводов, которые не мог бы сделать каждый внимательный читатель (AA 01, S. 234–235; Кант, 1994а, с. 128).

Существенно, что действие этих противоположных сил через множество агентов обеспечивает единство, порядок и развитие мировой «системы систем» — мысль, на которой Кант настаивает здесь и к которой вернется спустя тридцать лет в своей философии истории и политики. Значима двойственность кантовского взгляда на неизбежно сопутствующие мировому процессу потрясения, также сохранившаяся в критических произведениях:

heavenly Bodies by the Attraction of Gravity which intercedes those Bodies, and almost all the small ones of their Particles by some other attractive and repelling Powers which intercede the Particles” (Newton, 1979, p. 397).

In the *Universal Natural History and Theory of Heavens*, subtitled “or Essay on the Constitution and the Mechanical Origin of the Whole Universe According to Newtonian Principles” Kant introduces the repulsive force directly, citing Newton whose position, however, never had the kind of finality ascribed to it by Kant:

I have, after I placed the world in the simplest chaos, made use of no forces other than those of attraction and repulsion to develop the great order of nature, two forces which are equally certain, equally simple, and equally original and universal. They have both been borrowed from Newtonian philosophy. The former is now a law of nature that is beyond doubt. The second, which Newtonian science is unable to provide with as much clarity as it has for the first, I will assume here only in the sense that no one rejects it, namely in relation to the smallest dispersion of matter as, for instance, in vapours. It is for these so simple reasons that I have derived the following system, without any artifice or consideration of other consequences than those upon which the attention of the reader would have arrived by itself (NTH, AA 01, pp. 234-235; Kant, 2012b, p. 204).

Importantly, the effect of these opposite forces produced by a multitude of agents ensures the unity, order and development of the world “system of systems”, the idea Kant stresses here and to which he would come back thirty years later in his philosophy of history and politics. It is important to note the ambivalence of Kant’s view of the of upheavals that inevitably accompany the world processing, an ambivalence that survives in his critical works:

Let us therefore accustom our eye to these frightening upheavals as being the ordinary

Приучимся же смотреть на эти страшные разрушения как на обыкновенные пути провидения и будем взирать на них даже с некоторым чувством удовлетворения. Действительно, это в наибольшей степени соответствует богатству природы. Ибо когда какая-нибудь система мира в течение долгого периода своего существования исчерпала все разнообразие, доступное ее устройству, когда она, таким образом, стала излишним звеном в цепи бытия, тогда представляется вполне уместным, чтобы она сыграла на сцене текущих изменений Вселенной последнюю роль, подобающую всякой конечной вещи, а именно отдала дань брэнности (AA 01, S. 319; Кант, 1994а, с. 210–211).

Ньютон и его партия разделяли, хотя в основном непублично, религиозные и даже оккультные убеждения своего времени. Проблему истории они решали миллениаристски: «новый рай и новая земля» будут обеспечены Богом при посредстве церкви, этот вопрос принадлежит области откровения и не нуждается в научных объяснениях и связанных с ними технических, управленческих, политических решениях (Jacob, 1976, p. 100-142). Кант решительно расстается с этим наследием и натурализует историю, при этом критикуя и ограничивая секулярный миллениаристский энтузиазм, впоследствии приведший к разнообразным историческим потрясениям.

Описывая истоки своего видения, помимо Ньютона Кант ссылается на Эпикура, Лукреция, Левкиппа и Демокрита (AA 01, S. 226–227). Однако рядом с атомистами, описавшими используемую ранним Кантом корпускулярную онтологию, он с полным правом мог назвать Эмпедокла, задавшего своими филией и нейке дуалистическое понимание базовых взаимодействий, и Гераклита, выделившего силу отталкивания и конструктивную роль полемоса².

² Интеллектуальные историки, начиная с Я. Бурхардта и Ф. Ницше, подчеркивают общий агональный характер греческой и римской культуры, унаследованный Европой (см., напр.: (Лоро, 2021)). В этой перспективе кантовский антагонистический строй мысли выглядит не исключением, но нормой.

ways of providence and even regard them with a kind of appreciation. And indeed nothing is more appropriate to the bounty of nature than this. For when, in the long sequence of its duration, a world system exhausts all the diversity that its arrangement can encompass, when it has now become a superfluous link in the chain of beings, then nothing is more proper than that it should play the final role in the play of changes unfolding in the universe that is given to every finite thing, namely to pay its dues to transience (NTH, AA 01, p. 319; Kant, 2012b, p. 270).

Newton and his party shared, albeit mainly privately, the religious and even occult convictions of their time. They solved the problem of history in the millenarian way: “the new paradise and the new Earth” will be secured by God through the agency of the church, the issue belonging to the domain of faith and not needing scientific explanations and corresponding technical, managerial and political decisions (Jacob, 1976, pp. 100-142). Kant casts aside this heritage and naturalises history while criticising and restricting the secular millenarian enthusiasm which would later lead to various historical upheavals.

Describing the sources of his vision, Kant mentions along with Newton Epicurus, Lucretius, Leucippus and Democritus (NTH, AA 01, pp. 226-227). However, along with atomists who described the corpuscular ontology used by early Kant, he may well have mentioned Empedocles whose Philotes and Neikos prefigured the dualistic concept of basic interactions, and Heraclitus who singled out the force of repulsion and the constructive role of *polemos*.² And Kantian pathos, his quoting of the poetry of Haller and Pope, his spirited

² Intellectual historians beginning from Jacob Burckhardt and Friedrich Nietzsche stress the general agonal character of the Greek and Roman cultures which Europe has inherited (see, for example, Loraux (2002)). From this perspective Kantian antagonistic mindset looks not as an exception, but as the norm.

А кантовский пафос, используемые им в тексте цитаты из стихотворений Галлера и Поупа, поэтически заряженное описание космических процессов, светил, планет как будто возвращают понимание вселенной от холодного механицизма в сторону мифических космогоний досократиков — и одновременно смещают вперед, к романтикам. Кант находит способ снова представить последовательность физических взаимодействий в рамках нарратива о становлении природы и вернуть в них вытесненный механицизмом имманентный смысл, при этом сохранив научные достижения. Появление человечества в роли протагониста на этой космической сцене в критических сочинениях по истории стало закономерным развитием нарратива, намеченного во «Всеобщей естественной истории».

Другой характерный для этого текста ход, повторяющийся позднее в кантовской философии истории и политики, — это трактовка упорядоченной свободы как равновесия противодействий: «...эти различным образом противодействующие друг другу движения, естественно, стремятся к взаимному равновесию, т.е. к такому состоянию, при котором одно движение возможно меньше мешало бы другому. Это происходит, во-первых, потому, что частицы ограничивают движения друг друга до тех пор, пока все они не станут двигаться в одном и том же направлении...» (AA 01, S. 265–266; Кант, 1994а, с. 156).

Сопоставим это с пониманием правообразности в «Метафизике нравов» (1797):

«Правым является любой поступок, который или согласно максиме которого свобода произволения каждого совместима со свободой каждого в соответствии со всеобщим законом» (AA 06, S. 230; Кант, 2014, с. 89).

Закон взаимного принуждения, необходимо согласующегося со свободой каждого, кто руководствуется принципом всеобщей свободы, есть как бы *конструкция* упомянутого по-

description of cosmic processes, stars and planets seem to take the concept of the universe away from the cold mechanicism toward mythical cosmogonies of the pre-Socratics and simultaneously shift it forward towards the Romantics. Kant finds a way to represent again the sequence of physical interactions in the framework of the narrative of the genesis of nature and bring back their immanent meaning, pushed aside by mechanicism while preserving the scientific achievements. The appearance in critical works on the history of humanity as a protagonist on this cosmic stage was a logical development of the narrative prefigured in the *Universal Natural History*.

Another move characteristic of this text, which would later recur in Kant's philosophy of history and politics, is the interpretation of ordered freedom as balance of counteractions: "These motions that are in conflict with one another in many ways, however, naturally strive to bring themselves into line with each other, that is, into a state in which one motion is as little hindrance to the other as possible. This occurs, firstly, by the particles of one restricting the motion of the other until they are all moving in the same direction [...]" (NTH, AA 01, pp. 265-266; Kant, 2012b, p. 229).

This can be compared with the interpretation of right in the *Metaphysics of Morals* (1797):

"Any action is *right* if it can coexist with everyone's freedom in accordance with a universal law, or if on its maxim the freedom of choice of each can coexist with everyone's freedom in accordance with a universal law" (MS, AA 06, p. 230; Kant, 1996c, p. 387).

The law of a reciprocal coercion necessarily in accord with the freedom of everyone under the principle of universal freedom is, as it were, the *construction* of that concept, that is, the presentation of it in pure intuition *a priori*, by analogy with presenting the possibility

нения чистого права, т.е. показ этого понятия в чистом созерцании *a priori*, по аналогии с возможностью свободных движений тел, подчиненных закону равенства действия и противодействия (AA 06, S. 232; Кант, 2014, с. 95).

Гражданско-правовое состояние, задача учреждения и развития которого стоит перед человечеством в истории, является продолжением развития порядка природы с теми же фундаментальными и неотменимыми силами притяжения и отталкивания и с теми же методами инженерии, нацеленными не на искоренение антагонизма, но на его упорядочение и управление им.

В «Физической монадологии» (1756) Кант возвращается к мысли, что силы притяжения и отталкивания составляют начало всех действий и мыслимы только в паре:

...необходимо, что существует принцип всех внутренних действий, или движущая сила, присущая элементам и даже приложенная вовне, ибо она воздействует и на внешнее. А между тем для приведения в движение со-существующих элементов мы не можем себе представить силы, которая не стремится или отталкивать, или привлекать их. Если, далее, предположена одна только отталкивающая сила, то может быть понята не связь элементов для сложения тел, а скорее рассеяние элементов; а при одной только притягательной силе понята, правда, связь, но не определенное притяжение и пространство. Поэтому тот, который в силах вывести оба эти принципа из самой природы элементов и первичных свойств, тот совершил для ясного изложения внутренней природы тел труд немаловажного значения (AA 01, S. 476; Кант 1994д, с. 315).

Докритическая разработка антагонизма сил притяжения и отталкивания продолжилась в «Метафизических началах естествознания» (1786). Состоявшийся «коперниканский переворот» означал, что теперь выводить начала требуется не из природы, а из структурной организации опыта. Если ньютоновская меха-

of bodies moving freely under the law of the equality of action and reaction (MS, AA 06, p. 232; Kant, 1996c, p. 389).

The civil and legal state humanity is called upon to establish and develop in history is the continuation of the development of the order of nature with the same fundamental and indefeasible forces of attraction and repulsion and the same method of engineering aimed not at eradicating antagonism but at organising and managing it.

In *Physical Monadology* (1756) Kant reaffirms that the forces of attraction and repulsion mark the beginning of all actions and that they are conceivable only as a pair:

[...] the force which is inherent in the elements, must be a moving force, and one, indeed, which operates in an outward direction, since it is present to what is external; and since we are unable to conceive of any other force for moving that which is co-present than one which endeavours to repel or attract; and since, furthermore, if we posit only the repulsive force, we shall not be able to conceive of the conjunction of elements so that they form compound bodies, but only their diffusion, whereas if we posit only an attractive force we shall only be able to understand their conjunction, but not their determinate extension and space — since all this is the case, we can already in a way understand that anyone who is able to deduce these two principles from the very nature and fundamental properties of the elements will have made a substantial contribution towards explaining the inner nature of bodies (*MonPh*, AA 01, p. 476; Kant, 1992b, p. 52).

Pre-critical development of antagonism of the forces of attraction and repulsion continued in the *Metaphysical Foundations of Natural Science* (1786). Now, after the “Copernican turn”, first principles had to be derived not from nature but from the structural organisation of experience. While Newtonian mechanics is

ника предлагает математизацию феноменов, а лейбницеанская динамика объясняет феномены действием метафизических принципов, то Кант разворачивает критическое исследование условий возможности данной в чувственном опыте природы и, в частности, составляющей природу материи. Материя есть (необходимо мыслится как) «подвижное в пространстве» (AA 08, S. 480; Кант, 1994б, с. 263), это пространство «наполняющее» (AA 08, S. 496; Кант, 1994б, с. 284). Чтобы «занимать пространство», материя должна обладать «особой движущей силой» (Ibid.; Там же).

Сила притяжения есть движущая сила, благодаря которой одна материя может быть причиной приближения к ней других материй (или, что то же самое, благодаря которой она противится отдалению других от нее).

Сила отталкивания есть та, благодаря которой одна материя может быть причиной отдаления других материй от нее (или, что то же самое, благодаря которой она противится приближению других материй к ней). Эту силу мы будем иногда называть также толкающей (*treidende*), а первую — тянущей (*ziehende*) силой. <...>

Мыслить можно лишь указанные две движущие силы материи (AA 04, S. 498; Кант 1994б, с. 286–287).

Сила отталкивания позволяет материи расширяться, «наполнять пространства», ее можно назвать «силой экспансии» (Ibid.; Там же). Это изначальная имманентная сила, принадлежащая материи, причем каждой из ее частей: все отталкивается от всего, все стремится к экспансии за счет всего остального. Индивидуированные силы имеют различные степени и ограничивают друг друга. Это видение напоминает гоббсианское естественное состояние, но распространенное на всю природу, включающую человека.

Присутствие силы притяжения основывается на следующем факте: материя не расширяется в пространстве бесконечно, что имело

premised on mathematisation of phenomena and Leibnizian dynamics explains phenomena by the action of metaphysical principles Kant launches a critical study of the conditions of the possibility of nature given in sensible experience, in particular of the matter which constitutes nature. Matter is necessarily thought as “*moveable in space*” (MAN, AA 08, p. 480; Kant, 2002, p. 194), “*it fills a space*” (MAN, AA 08, p. 496; Kant, 2002, p. 209). “*To occupy a space*”, matter must possess “*particular moving force*” (*ibid.*).

Attractive force is that moving force by which a matter can be the cause of the approach of others to it (or, what is the same, by which it resists the removal of others from it).

Repulsive force is that by which a matter can be the cause of others removing themselves from it (or, what is the same, by which it resists the approach of others to it). The latter force will also sometimes be called driving force, the former drawing force.

[...] only these two kinds of forces can be thought (MAN, AA 04, p. 498; Kant, 2002, p. 211).

The repulsive force enables matter to expand, “*fill its space*,”; it can be called “*expansive force*” (*ibid.*). It is the original immanent force inherent in matter, indeed in each of its parts everything is repulsed by everything, everything seeks to expand at the expense of all the rest. Individual forces have different measures and limit one another. This vision is reminiscent of Hobbes’ state of nature, only extended over the whole of nature including the human being.

The presence of the attractive force is based on the following fact: matter does not expand in space infinitely, as it would if only the force of repulsion existed. The latter is necessarily part of the concept of matter which fills the space differently from the perceiving subject. The force of attraction is not enough for the

бы место под действием одной только силы отталкивания. Последняя необходимо присутствует в понятии материи как наполняющей пространство субстанции, отличной от воспринимающего субъекта. Силы притяжения недостаточно для ощущения объекта и получения определенного понятия о нем, одна эта сила позволила бы только определить направление притяжения, «притягивающая точка оставалась бы неизвестной» (AA 04, S. 501; Кант, 1994б, с. 301). То есть в антагонизме сил концептуальное и, по-видимому, темпоральное первенство имеет сила отталкивания, хотя из нашей перспективы обе силы действуют одновременно и повсюду в природе. Кант использует понятие антагонизма, суммируя эти смыслы во всеобщем механическом законе «противодействия материй», или *lex antagonismi*: всякое взаимодействие содержит противодействие (AA 04, S. 551; Кант, 1994б, с. 355), «закон антагонизма» проявляет себя «во всяком взаимодействии материи благодаря движению» (AA 04, S. 563; Кант, 1994б, с. 369).

В предисловии к «Метафизическим началам естествознания» Кант делит учение о природе на естествознание как исследование априорных принципов и законов опыта, что составляет собственный предмет его книги, и историческое учение о природе, включающее описание природы и естественную историю (AA 04, S. 468; Кант, 1994б, с. 249). Человеческая история, разработкой которой Кант занят в эти же годы, является частью естественной и необходимо подпадает под те же априорные принципы.

Антагонизм обнаруживается в физиологии, еще одной частной области исследования природы. В записях лекций Канта по антропологии, впервые прочитанных зимой 1772–1773 гг., проведена параллель между антагонизмом мышц и антагонизмом ума: «Постоянное внимание утомительно. С умом (*Gemüth*) дело обстоит так же, как и с конечностями: у каждой мышцы есть свой антагонист, и когда одна

perception of the object and for bringing it under a concept, this force alone would make it possible only to determine the direction of attraction, while “the attracting point would be unknown” (MAN, AA 04, p. 501; Kant, 2002, p. 221). In other words, in the antagonism of forces the repulsive force prevails conceptually and temporally, although from our perspective both forces act simultaneously and everywhere in nature. Kant uses the concept of antagonism, summing up these meanings in the universal law of “reaction of matters”, or *lex antagonismi*: every interaction contains counteraction (MAN, AA 04, p. 551; Kant, 2002, p. 258), “the law of antagonism” manifests itself “in all community of matter through motion” (MAN, AA 04, p. 563; Kant, 2002, p. 368).

In the preface to the *Metaphysical Foundations of Natural Science* Kant divides the teaching on nature into natural science as the study of *a priori* principles and the laws of experience, the proper subject of his book, and the historical study of nature including the description of nature and natural history (MAN, AA 04, p. 468; Kant, 2002, p. 183). Human history, with which he engages in the same period, is part of natural history and is covered by the same *a priori* principles.

Antagonism is present in physiology, another particular area of natural science. In notes for Kant’s lectures on anthropology, first delivered in the winter of 1772–1773, a parallel is drawn between antagonism of muscles and antagonism of mind: “Constant attention is tiring. The mind (*Gemüth*) stands in the same place as extremities: every muscle has its antagonist, and when one muscle is tired the other muscle tenses. Any activity, even constant use of the finest of feelings, is tiring”³ (V-Anth/Collins, AA 25, p. 37;

³ “Eine fortgesetzte Aufmercksamkeit ermüdet. Es ist mit dem *Gemüth*, wie mit den Gliedern, wo jeder Muskel seinen Antagonisten hat, wo der eine ermüdet wird wenn der andre sich exerciret. Alle Thätigkeit, selbst der anhaltende Gebrauch der feinsten Sinne ermüdet.”

мышца устает, другая напрягается. Любая деятельность, даже постоянное использование самых тонких чувств, утомляет» (AA 25, S. 37; см.: AA 25, S. 63; A 25, S. 286). Представление об антагонизме мышц встречается, например, в широко известных в те годы «Основах физиологии человека» (1747) Альбрехта фон Галлера (1708–1777), одного из героев молодого Канта. Кантовские поздние заметки о медицине и физиологии определяют здоровье как «равновесие в антагонизме жизненных сил животных тел» (AA 15, S. 963), говорят об «антагонизме диафрагмы» (AA 22, S. 511) и т.п. Представление о «противоборстве» в организме духовных и материальных сил характерно для критикуемой Кантом «физиологической антропологии» Эрнста Платнера (1744–1818). Платнер в «Антропологии для врачей и философов» (1772) даже попытался вывести из факта этого противоборства логический принцип непротиворечия, вступив в прямое столкновение с кантовской более ранней программой различения логической и реальной противоположностей.

2.3. Логическая и реальная противоположности

Кант исследует пару понятий «логическая противоположность» и «реальная противоположность» в «Опыте введения в философию понятия отрицательных величин» (1763). Он использует термины *Entgegensetzung*, *Opposition*, которые переводятся как «противоположность»; *Repugnanz*, переводимую как «несовместимость» и синонимичную «противоположности». Логическое противоречие он обозначает термином *Widerspruch*. Контекстом кантовского исследования различения логической и реальной противоположностей является уже упомянутое противостояние «математиков» и «метафизиков». Волнующий Канта вопрос касался пределов применимости математических методов к исследованию природы, то есть, по сути, пределов сводимости метафизики

cf. AA 25, p. 63; V-Anth/Parow, AA 25, p. 286). The notion of antagonism of muscles is used in the then widely known *Foundations of Human Physiology* (1747) by Albrecht von Haller (1708–1777), of whom the young Kant was an admirer. Kant's later notes on medicine and physiology define human health as "the balance of the antagonism of the living force of animal bodies"⁴ (HN, AA 15, p. 963) and speak of "antagonism of the diaphragm"⁵ (HN, AA 22, p. 511) etc. The notion of the contradiction within the organism between spiritual and material forces is present in the "physiological anthropology" of Ernst Platner (1744–1818) which Kant criticised. In *Anthropology for Physicians and Philosophers* (1772) Platner even tried to derive from this fact of contradiction a logical principle of non-contradiction, thus challenging Kant's earlier programme of distinguishing logical and real oppositions.

2.3. Logical and Real Contradictions

Kant examines the pair "logical opposition" and "real opposition" in "Attempt to Introduce the Concept of Negative Magnitudes into Philosophy" (1763). He uses the terms *Entgegensetzung*, *Opposition*, which are translated as "opposition"; *Repugnanz*, translated as "repulsion" and synonymous with "contradiction". He refers to logical contradiction as *Widerspruch*. The context of Kant's distinction between logical and real oppositions is the above-mentioned confrontation between "mathematicians" and "metaphysicians". The question that bothered Kant had to do with the limits of applicability of mathematical methods to the investigation of nature, in effect, the limits to which metaphysics could be reduced to mathematics,

⁴ "Gesundheit ist das Gleichgewicht im Antagonism der Lebenskraft thierischer Körper."

⁵ "diaphragma Antagonism."

к математике, содержательного мышления — к формальному, действия — к рассуждению, бытия — к мышлению. Кант обнаруживает фундаментальное различие принципов, организующих мышление о математических формах и о реальных вещах. Формальное мышление подчинено принципу непротиворечия: когда «относительно одной и той же вещи нечто одновременно и утверждается, и отрицается», «следствие такого логического соединения есть *ничто* (*nihil negativum irrepraesentabile* [ничто отрицательное непредставимо])» (AA 02, S. 171; Кант, 1994г, с. 46). Мышление о природе подчинено другому принципу — принципу противоположности — и всегда сохраняет содержательный или материальный компонент:

Противоположность второго рода, реальная, состоит в том, что два предиката одной и той же вещи противоположны, но не по закону противоречия. Здесь также одно упраздняет то, что другое полагает; однако следствие [здесь] нечто (*cogitabile*). Сила, движущая тело в одну сторону, и равное стремление того же тела в противоположном направлении не противоречат друг другу и в качестве предикатов возможны в одном и том же теле одновременно. Следствие этого покой, который есть нечто (*repraesentabile* [представимое]) (Ibid.; Там же; пер. уточнен. — *Ред.*).

Здесь видно, что базовый случай реальной противоположности Кант обнаруживает в физических силах. Логическое противоречие свидетельствует о несостоятельности системы утверждений, есть нарушение нормы, аномалия, но реальная противоположность, наоборот, нормальна. Причем не только в статистическом смысле распространенности в природе, но и в смысле необходимости, обязательности для мышления о ней. Стабилизация логической системы достигается устранением противоречия. Стабилизация реальной системы достигается расположением множества разнонаправленных сил так, чтобы они нейтрализовывали друг друга. Сохранение сил и их источ-

substantive thinking to formal thinking, actions to reasoning, being to thinking. Kant points to the fundamental difference of the principles of thinking about mathematical forms and about real things. Formal thinking follows the principle of non-contradiction: "The opposition consists in the fact that something is simultaneously affirmed and denied of the very same thing. The consequence of the logical conjunction is *nothing at all* (*nihil negativum irrepraesentabile*)" (NG, AA 02, p. 171; Kant, 1992a, p. 211). Thinking about nature follows a different principle, the principle of opposition, and always has a substantive or material component:

The second opposition, namely real opposition, is that where two predicates of a thing are opposed to each other, but not through the law of contradiction. Here, too, one thing cancels that which is posited by the other; but the consequence is something (*cogitabile*). The motive force of a body in one direction and an equal tendency of the same body in the opposite direction do not contradict each other; as predicates, they are simultaneously possible in one body. The consequence of such an opposition is rest, which is something (*repraesentabile*) (ibid.).

From this we can see that for Kant real opposition is due to physical forces. The logical contradiction means that the system of propositions is untenable, it violates the norm, is an anomaly, whereas real opposition, on the contrary, is normal. And not only in terms of being contingently omnipresent in nature, but in terms of its necessity for thinking of nature. Stabilisation of a logical system is achieved through elimination of the contradiction. Stabilisation of a real system is achieved by arranging the multitude of variously directed forces in a way that mutually neutralises them. The preservation of the forces and

ников при этом есть необходимое условие стабильности: ослабление или уничтожение одного ведет к разбалансировке всей системы и ее обеднению, а возможно, и коллапсу. Джеймс Скотт описывает прусское научное лесоводство, появившееся буквально в те же годы, что и кантовский текст, как выразительную иллюстрацию того, что происходит при логизации обращения со сложными системами, живущими по принципу реальной противоположности (Scott, 1998, p. 11–22).

Сам Кант позже, в «К вечному миру» (1795), дает собственную иллюстрацию политической реальной противоположности в мысленном эксперименте с «народом дьяволов»: «необщительность»-отталкивание и рационально сознаваемая необходимость единого правового поля способны целиком естественным путем привести сугубо эгоистических индивидов в стабильное гражданско-правовое состояние — без всякого «прореживания» или принудительного морального «выпрямления» «кривых тесин» (AA 08, S. 366; Кант, 2024б, с. 187; см.: AA 08, S. 23). Эта же мысль видна в его метафоре «деревьев в лесу», в антагонизме растущих прямыми (AA 08, S. 22; AA 09, S. 448)³. Если системе надо придать движение, то и это достигается расположением различно действующих сил: примером такого устройства является парусный корабль (AA 02, S. 176–177; Кант, 1994г, с. 53). Задачи такого рода являются не собственно логическими, но инженерно-практическими, для их решения нужны не только расчеты, но также неустранимо локальное и неявное «знание-как», «метис», восполняющее неполную логичность реального. Необходимо суждение и действие, от которого знание такого рода неотделимо и в котором только и может возникнуть.

Примечательно, что Кант говорит о преодолении действий разнонаправленных сил, используя слово *aufheben*, встречающееся также в

their sources is a necessary condition of stability: a weakening or destruction of one of them unbalances the whole system, makes it more primitive and may even bring about its collapse. The Prussian scientific forestry, which emerged in the same years as Kant's text, is discussed by James C. Scott as a striking illustration of what happens when logic is made the basis of dealing with complex systems that live on the principle of real opposition (Scott, 1998, pp. 11-22).

Kant himself in a later work, *Toward Perpetual Peace* (1795), offers his own illustration of political real opposition in a mental experiment with “a nation of devils”: “unsociability,” repulsion and rationally understood need for a single legal space can naturally lead patently egoistic individuals into a stable civil, legal state without any “weeding” or coercive “straightening” of “crooked wood” (ZeF, AA 08, p. 366; Kant, 1996d, p. 335; cf. *laG*, AA 08, p. 23). The same idea is present in his “trees in a forest” metaphor, in which antagonism makes trees grow straight (*laG*, AA 08, p. 22; *Päd*, AA 09, p. 448).⁶ If a system is to be set in motion that, too, is achieved by the position of variously acting forces: an example is a sailing ship (NG, AA 02, pp. 176-177; Kant, 1992a, p. 216). Such tasks are not properly logical, but engineering — practical, calling not only for calculations, but also inevitably local and tacit “know-how”, what Scott, following the ancient Greeks, calls “*mētis*” (metier, meaning job, work or profession), that makes up for incomplete logicity of the real. What is needed is judgment and action from which this kind of knowledge is inseparable and in which alone it can happen.

³ И благодаря этому, добавили бы Скотт и Лао-цзы, становящихся пригодными, «легибильными» для лесорубов, но это отдельная проблема.

⁶ And thanks to this, Scott and Lao Tzu might add, become usable and “legible” for wood-cutters, but that is a different problem.

знаменитой формулировке намерения «ограничить» / «приподнять», «отодвинуть» разум в первой «Критике» (В xxx; Кант, 2006, с. 33) и позднее использованное Гегелем. Мысль о том, что Кант, а не Гегель, и именно в «Опыте...», является первооткрывателем закона единства и борьбы противоположностей, уже высказывалась и обосновывалась (Протопопов, 1991) и заслуживает отдельного внимания.

Развитое Кантом различие логического противоречия и реальной противоположности имеет далеко идущие последствия. Если оно принимается, то бытие не сводится к строгому мышлению в ясных и отчетливых понятиях по универсальным принципам, оно не может быть полностью репрезентировано в мысли (либо, радикальнее, репрезентация вообще является лишь неудачной метафорой), предлагаемые жизнью задачи не решаются одним только вычислением. Признав внерациональность бытия, уходящего из-под диктата строгого знания, *scientia*, нам придется признать и легитимность нерационального, неформального и неколичественного мышления, метафор, нарративов, риторических фигур, неявного, встроенного, воплощенного познания. Все это существенно ограничивает надежды и претензии проекта науки раннего Нового времени и Просвещения, в том числе надежды на решение одними лишь рациональными средствами проблемы антагонистичности человеческой природы.

2.4. Антагонизм в человеческой истории

Только этот большой путь позволяет понять основания наиболее явного и развернутого определения антагонизма, данного Кантом в «Идее всеобщей истории во всемирно-гражданском плане» (1784):

Средство, которым природа пользуется для того, чтобы обеспечить развитие всех своих задатков, — это **антагонизм** между ними

It is worth noting that in speaking about overcoming the action of multi-directional forces Kant uses the word *aufheben*, which also occurs in the famously articulated intention to “limit” / “elevate”, or “shift”, or “deny” reason in the first *Critique* (KrV, B xxx) and was later used by Hegel. The idea that it was Kant and not Hegel who discovered the law of unity and conflict of opposites in “Attempt...” has been put forward (Protopopov, 1991) and merits attention.

Kant’s distinction of logical contradiction and real opposition has far-reaching consequences. If it is accepted, being is not reducible to rigorous thinking in clear-cut concepts according to universal principles and cannot be fully represented in thought (or, more radically, representation is only an infelicitous metaphor), and the tasks life springs on us cannot be solved by mere computation. Having conceded that being is extra-rational and defies the dictates of rigorous knowledge, *scientia*, one is forced to recognise the legitimacy of the non-rational, non-formal and non-quantitative thinking, of metaphors, narratives, rhetorical tropes, of embedded and embodied cognition. All this significantly limits the hopes and claims of the scientific project of the early modern period and the Enlightenment, including the hopes of solving the problem of the antagonism of human nature by rationalistic means alone.

2.4. Antagonism in Human History

Only this long journey enables us to understand the grounds of the most succinct and extended definition of antagonism which Kant gives in the “Idea for a Universal History with a Cosmopolitan Aim” (1784):

в обществе, поскольку это в конце концов становится причиной его законосообразного порядка. Под антагонизмом я разумею здесь необщительную общительность людей, т.е. их склонность составлять общество (*in Gesellschaft zutreten*), которая, однако, связана с непрерывным сопротивлением, постоянно грозящим разъединить общество. Задатки этого явно заложены в человеческой природе (AA 08, S. 320; Кант, 2024а, с. 35).

«Человеческую природу» в этом определении невозможно правильно понять, не учитывая, что она является частью природы вообще, в которой повсеместны силы притяжения и отталкивания, которая априори мыслима только через антагонизм сил, обеспечивающих различие, движение, создание пространственной протяженности, в которой реальный антагонизм не сводится к логическому противоречию и не устраняется логическими средствами.

Здесь показателен контраст кантовского взгляда с ньютонианским. У ньютонианцев

социальная добродетель становится для человека «естественной», а антисоциальное поведение оказывается отклонением от нормы или «неестественным». Ньютоновская социальная идеология в первую очередь считала социальную греховность человека неестественной. Власть человека над материей ставит его в отношения с обществом, аналогичные отношениям Бога с внешним миром. Подобно тому, как божественная благодать регулирует ход природы и способствует всеобщему благу, человек также должен проявлять всеобщую социальную доброжелательность. Его способность регулировать ход вещей позволяет ему структурировать общество таким образом, чтобы его функционирование приводило к всеобщей гармонии (Jacob, 1976, p. 194–195).

Кант признаёт социальный антагонизм разновидностью действия природных сил притяжения и отталкивания, то есть реальной противоположности. Такой антагонизм оказывается не локальной особенностью, но проявлением

The means nature employs in order to bring about the development of all its predispositions is their *antagonism* in society, insofar as the latter is in the end the cause of their lawful order. Here I understand by ‘antagonism’ the unsociable sociability of human beings, i.e. their propensity to enter into society, which, however, is combined with a thoroughgoing resistance that constantly threatens to break up this society. The predisposition for this obviously lies in human nature (*laG*, AA 08, p. 320; Kant, 2007, p. 111).

In this definition “human nature” cannot be understood correctly without bearing in mind that it itself is part of nature in which the forces of attraction and repulsion are universal, which can *a priori* be thought only in terms of antagonism of forces that support difference, motion, extended space in which real antagonism is not confined to logical contradiction and cannot be removed by logical means.

The contrast between Kantian and Newtonian visions is revealing: With the Newtonians

[...] social virtue becomes “natural” to man, and antisocial behaviour renders him aberrant or “unnatural”. The Newtonian social ideology primarily deemed man’s social sinfulness unnatural. Man’s power over matter places him in a relationship with society analogous to God’s relationship with the universe. Just as the divine goodness regulates the course of nature and promotes the universal benefit of the whole, man must also engage in universal social benevolence. His power to regulate the course of things enables him to structure society such that its workings produce a universal harmony (Jacob, 1976, pp. 194-195).

Kant considers social antagonism to be an instance of the action of the natural forces of attraction and repulsion and of real opposition. Such antagonism is not a local peculiarity, but a manifestation of the way of arrangement of the

способа устройства вселенной, восходящего к априорному устройству разума. Подобно силе тяготения для Ньютона, для Канта антагонизм и не допускает, и не требует дальнейших объяснений. Однако ограничившись только этим пониманием, мы обнаруживаем себя в мире бессмысленных столкновений, наша история оказывается «рассказанной идиотом». Устройство разума требует рассматривать историю не только в физическом, но и в телеологическом плане, предполагая единство этих планов, пусть даже лежащее за пределами познаваемого. В телеологическом отношении антагонизм перестает быть абсурдом и обретает роль инструмента природы для побуждения человечества к выходу из несовершеннолетия и самостоятельному строительству всеобщего правового гражданского общества. Которое, следует добавить, само служит поддержанию и развитию этического сообщества.

В седьмом положении «Идеи...» Кант развивает проблему антагонизма в контексте международных отношений:

Та же необщительность, которая вынуждает людей его [общественное формирование] создавать, служит также причиной того, что каждое общественное формирование во внешних отношениях, т.е. как государство по отношению к другим государствам, пользуется неограниченной свободой и, следовательно, одно государство должно ожидать от другого тех же неприятностей, которые угнетали отдельных людей и вынуждали их вступать в законосообразное гражданское состояние. Природа, таким образом, вновь использовала неуживчивость людей, даже больших сообществ и государственных организмов этого рода существ как средство для того, чтобы в неустранимом антагонизме между ними найти состояние покоя и безопасности. Иными словами, посредством войн и чрезвычайно напряженной, никогда не ослабевающей подготовки к ним, посредством нужды, которая должна вследствие этого ощущаться в конечном счете внутри каждого государства даже в мирное время, природа побуждает сначала к

universe, traceable to the *a priori* structure of reason. Like the gravitation force with Newton, Kant's antagonism does not allow or demand further explanation. However, if we confine ourselves to this understanding, we find ourselves in a world of meaningless collisions and our history is "a tale told by an idiot". The structure of reason commands that we view history not only in the physical, but also in the teleological way, assuming the unity of these plans, even if it lies beyond the cognisable. Teleologically, antagonism ceases to be absurd and assumes the role of nature's instrument of awakening humanity, taking it out of its immaturity and inducing it to independently build a universal law-governed civil society. Which, it has to be added, itself serves to maintain and develop the ethical community.

In the seventh proposition of the "Idea..." Kant elaborates the problem of antagonism in the context of international relations:

The same unsociability that necessitated human beings to this is once again the cause of every commonwealth, in its external relation, i.e. as a state in reference to other states, standing in unbound freedom, and consequently of each having to expect from the other precisely the ills that pressured individual human beings and compelled them to enter into a lawful civil condition. Nature has therefore once again used the incompatibility of human beings, even of great societies and state bodies of this kind of creature as a means to seek out in their unavoidable antagonism a condition of tranquility and safety; i.e. through wars, through the overstrained and never ceasing process of armament for them, through the condition of need that due to this finally every state even in the midst of peace must feel internally, toward at first imperfect attempts, but finally after many devastations, reversals and even thoroughgoing exhaustion of their powers, nature drives them to what reason could have told them even without much sad experience: namely, to go beyond a lawless condition of savages and enter into a federation

несовершенным попыткам и наконец — после многих опустошений, разрушений и даже после полного внутреннего истощения их сил — к тому, что разум мог бы подсказать им и без столь большого печального опыта, а именно: выйти из незаконного состояния дикарей и вступить в союз народов, где каждое, даже самое малое государство могло бы ожидать своей безопасности и прав не от своей собственной силы или собственного правового суждения, но исключительно от этого великого союза народов (*Foedus Amphictyonum*), от объединенной силы и от решения по законам объединенной воли (AA 08, S. 24; Кант, 2024а, с. 39).

Кант продолжил эти размышления о международном антагонизме в вышедшем через одиннадцать лет трактате «К вечному миру» (1795). В природе он находит гарантию для своего политико-правового проекта вечного мира: природа, «великая искусница, сквозь механический ход которой просматривается очевидная целесообразность», позволяет «возникнуть согласию из разногласия между людьми даже против их воли...» (AA 08, S. 360; Кант, 2024б, с. 181). Стоит заметить, что Кант употребляет здесь термин *die Zwietracht*, который на русский язык можно перевести как «раздор». В «Споре факультетов» (1797) Кант специально проводит различие между антагонизмом и раздором: «...антагонизм, т.е. спор двух сторон, связанных друг с другом общностью конечной цели (*concordia discors, discordia concors*), — это не война, т.е. не распри, возникающие из противопоставления конечных целей *Моего* и *Твоего* ученых, которые, как и политическое *Мое* и *Твое*, состоят из *свободы* и *собственности*...» (AA 07, S. 35—36; Кант, 2024г, с. 279). Здесь важно, что антагонизм не сводится к раздору и войне. Они лишь половина антагонизма, частное проявление действия человеческих сил «отталкивания», образующих целое с силами «притяжения». Взятый сам по себе, раздор представляет «печальный» и бессмысленный опыт, и только понимание диалектического един-

of nations, where every state, even the smallest, could expect its security and rights not from its own might, or its own juridical judgment, but only from this great federation of nations (*Foedus Amphictyonum*), from a united might and from the decision in accordance with laws of its united will (*IaG*, AA 08, p. 24; Kant, 2007, p. 114).

Kant continued these reflections on international antagonism eleven years later in the treatise *Toward Perpetual Peace*. He finds in nature the guarantee for his political-legal project of perennial peace: “the great artist nature (*natura daedala rerum*) from whose mechanical course purposiveness shines forth visibly”, allows “concord to arise by means of the discord between human beings even against their will” (*ZeF*, AA 08, p. 360; Kant, 1996d, p. 331). It has to be noted that Kant here uses the term *die Zwietracht*, which translates into Russian as “discord”. In *The Conflict of the Faculties* (1797) Kant pointedly draws a distinction between antagonism and discord: “[...] this antagonism, that is, this *conflict* of two parties united in [their striving toward] one and the same final end (*concordia discors, discordia concors*), is not a *war*, that is, not a dispute arising from conflicting final aims regarding the *Mine* and *Thine* of learning” which, “like the political *Mine* and *Thine*, [...] consist[] in *freedom* and *property*” (*SF*, AA 07, pp. 35-36; Kant, 1996b, pp. 261-262). It is important that antagonism is not reduced to discord and war. These form only one half of antagonism, a particular manifestation of the action of human forces of “repulsion” which form a single whole with the forces of “attraction”. Taken by itself, discord is “regrettable” and meaningless experience, and only the understanding of the dialectical unity of antagonistic sides, often inaccessible to those involved, more easily discerned by disengaged spectators, makes it possible to open “a consoling prospect into

ства антагонистических сторон, возможно, недоступное участникам, но с меньшим трудом различаемое невовлеченными зрителями, позволяет открыть «утешительную перспективу грядущего (на которую нет основания надеяться, не предполагая плана природы)» (AA 08, S. 30; Кант, 2024а, с. 46).

Высказанная в «Идее...» и «К вечному миру» концепция антагонизма как «необщительной общительности» людей и народов, служащей установлению гражданско-правового состояния сначала внутри народов, а затем между государствами в целях создания условий для реализации задатков человечности в истории, встречается и в других работах философа (AA 08, S. 306; Кант, 2024в, с. 360; AA 06, S. 347; Кант, 2014, с. 407).

Заключение

Мы рассмотрели основные исторические вехи становления кантовского понятия антагонизма и его функции в разных разделах системы. Смысл и функции не исчерпываются наиболее известной «необщительной общительностью», тем более понимаемой как случайность, устранимая разумом. В первых физических работах 1750-х гг. Кант развивает догадку Ньютона о дуализме сил притяжения и отталкивания во всеобъемлющую спекулятивную гипотезу о происхождении и устройстве вселенной целиком из естественного действия базовых антагонистических сил. В «Опыте введения в философию понятия отрицательных величин» (1763) Кант обобщает физическую гипотезу до уровня метафизического принципа «реальной противоположности». Физическая динамика реальных противоположностей не совпадает с порядком логических рассуждений или вычислений и не сводится к выявлению и устранению логических противоречий. В 1772–1773 гг. термин «антагонизм» появляется в первых лекциях Канта по антропологии для объяснения работы мышц

the future (which without a plan of nature one cannot hope for with any ground)” (*IaG*, AA 08, p. 30; Kant, 2007, p. 119).

The concept of antagonism as “unsociable sociability” of people and nations articulated in the “Idea...” and *Toward Perpetual Peace* which serves to establish a civil-legal condition first within nations and then between states to create conditions for the realisation of human predispositions in history is enunciated in other works as well (*TP*, AA 08, p. 306; Kant, 1996a, p. 304; *MS*, AA 06, p. 347; Kant, 1996c, p. 485).

Conclusion

We have reviewed the historical landmarks of the evolution of the Kantian concept of antagonism and its functions in various parts of the system. The meaning and functions are not confined to the best known “unsociable sociability”, especially understood as an accident that can be remedied by reason. In the early physical works of the 1750s Kant develops Newton’s hypothesis about the dualism of the forces of attraction and repulsion into an all-embracing speculative hypothesis concerning the origin and order of the universe as a whole as the result of the natural action of the basic antagonistic forces. In the “Attempt to Introduce the Concept of Negative Magnitudes into Philosophy” (1763) Kant elevates the physical hypothesis to the level of metaphysical principle of “real opposition”. The physical dynamic of real oppositions does not coincide with the order of logical reflections or computations and is not confined to exposure and elimination of logical contradictions. The term “antagonism” first appears in 1772–1773 in Kant’s early lectures on anthropology to explain the work of muscles and bodily movements. In the early 1780s Kant brings these meanings into

и телесных движений. В начале 1780-х гг. Кант переносит эти смыслы в философию истории и политики для объяснения факта «необщительной общительности» людей и народов и представления антагонизма как движущей силы развития задатков человеческого рода. В это же время в «Метафизических началах естествознания» (1786) Кант исследует априорные условия возможности природы и естественной истории. Одним из таких условий является представление о движущейся и наполняющей пространство материи как о продукте действия сил отталкивания и притяжения. Кантовская докритическая гипотеза получает здесь трансцендентальное обоснование. Кант движется от гипотезы о естественном антагонизме сил к мысли о его сущностной внелогичности и затем к выведению априорного статуса антагонизма в познании природы.

Все эти шаги необходимы для понимания смысла «необщительной общительности» как проявления антагонизма в человеческой истории и политике. Во-первых, антагонизм повсеместен, поскольку человеческая история встроена во всеобщую естественную историю, в развитие вселенной. Во-вторых, он непреодолим, поскольку представление природы и ее истории как результата действия противоположных сил есть структурная, априорная необходимость, а не эмпирическая случайность. В-третьих, антагонизм не синонимичен необщительности, войне и раздору, которые составляют одну из его двух сторон, но обозначает единство и противоположность качественно различных сил, обозначает *также* общительность, мир и согласие. Сам по себе антагонизм не ложь и не моральное зло. Его морализация ведет лишь к углублению противостояния и препятствует пониманию и уравниванию интересов. Скачок от сложной реальной противоположности сил к ее неизбежно упрощенному логическому представлению в терминах противоречий рождает идеологию —

philosophy of history and politics to explain “unsociable sociability” of people and nations and represent antagonism as the driver of the development of the predispositions of the human race. At the same time, in *Metaphysical Foundations of Natural Science* (1786) Kant explores the *a priori* conditions of the possibility of nature and natural history. One such condition is the idea of matter which moves and fills space as a product of the forces of repulsion and attraction. This provides transcendental grounding of Kant’s pre-critical hypothesis. Kant moves from hypothesis on natural antagonism of forces to the idea that it is essentially outside logic and then proceeds to deduce an *a priori* status of antagonism in the cognition of nature.

All these steps are needed to understand the meaning of “unsociable sociability” as a manifestation of antagonism in human history and politics. First, antagonism is ubiquitous because human history is built into the total natural history, the development of the universe. Second, it is insuperable insofar as the representation of nature and its history as the result of opposing forces is a structural *a priori* necessity and not an empirical accident. Third, antagonism is not synonymous with unsociability, war and discord which constitute one of its sides, but signifies the unity and opposition of qualitatively different forces and *also* means sociability, peace and concord. Antagonism in itself is neither a falsity nor a moral evil. Its moralisation merely leads to the deepening of the confrontation and obstructs understanding and balancing of interests. The leap from complicated opposition between forces to its inevitably simplistic logical representation in terms of contradictions gives rise to ideology, i.e. orientation toward eliminating the antagonist as the source of the contradiction. And the claims of one of

и ориентацию на устранение антагониста как источника противоречия. А претензия одной из антагонистических сторон на статус носителя истины и воплощения полноты реализованных человеческих задатков, на кульминацию и завершение в своем лице человеческой истории препятствует разумному диалогу о противоположных интересах и разрушает области, в которых существует согласие. В-четвертых, действие антагонизма компенсируется и направляется, но не уничтожается рассуждением или логической делиберацией, он не уместается в дедуктивную систему понятий и принципов. Вместо окончательного фундаменталистского разрешения в *вечном* мире, антагонизм стабилизируется фаллибилистской инженерией сдержек и противовесов, балансом суверенных сил множества акторов, через постоянный разумный диалог, организующий и поддерживающий длящийся мир.

Исследование выполнено при поддержке РФФ, проект № 25-28-00698 «Разработка кантианской концепции антагонизма и критика современных интерпретаций “вечного мира” в теории международных отношений». Страница проекта: <https://rscf.ru/project/25-28-00698/>.

Список литературы

Винокуров Е. Ю. Политическая философия Канта в современных философских дискуссиях о глобальном политическом устройстве : дис. ... канд. филос. наук. Калининград, 2001.

Дмитриева Н. А. Вечный мир И. Канта на рубеже веков и в период Первой мировой войны // Преподаватель XXI век. 2014. № 2 (1). С. 46–61.

Кант И. Всеобщая естественная история и теория неба, или очерк о строении и механическом происхождении всей Вселенной, рассматриваемой в соответствии с началами Ньютона // Собр. соч. : в 8 т. М. : Чоро, 1994а. Т. 1. С. 112–260.

Кант И. Метафизические начала естествознания // Собр. соч. : в 8 т. М. : Чоро, 1994б. Т. 4. С. 247–372.

Кант И. Мысли об истинной оценке живых сил // Собр. соч. : в 8 т. М. : Чоро, 1994в. Т. 1. С. 50–82.

the antagonistic sides to be the bearer of the truth and embodiment of all realised human predispositions, the culmination and crowning of human history is an obstacle to reasonable dialogue on opposing interests, destroying areas of concord. Fourth, the effect of antagonism is compensated for and directed but is not destroyed by reasoning or logical deliberation, it does not fit into the deductive system of concepts and principles. Instead of the final fundamentalist resolution in *eternal* peace antagonism is stabilised by fallibilistic engineering of checks and balances, equilibrium of sovereign forces of a multitude of actors, through constant reasonable dialogue which organises and supports *durable* peace.

Research supported by Russian Science Foundation, project № 25-28-00698 «Development of a Kantian Concept of Antagonism and Criticism of Modern Interpretations of ‘Perpetual Peace’ in Theory of International Relations», <https://rscf.ru/project/25-28-00698/>.

References

Brading, K. and Stan, M., 2024. *Philosophical Mechanics in the Age of Reason*. Oxford: Oxford University Press.

Dmitrieva, N. A., 2014. The “Perpetual Peace” of Immanuel Kant at the Turn of the Centuries and During the First World War. *Prepodavatel XXI vek*, 2/1, pp. 46–61. (In Rus.)

Eisler, R., 1930. *Kant-Lexikon: Nachschlagewerk zu Kants sämtlichen Schriften, Briefen und handschriftlichem Nachlass*. Hildesheim: Georg Olms.

Esteves, J., 2018. The Antagonism between Nature and Freedom in Kant’s Philosophy. In: V. L. Waibel, M. Ruffing and D. Wagner, eds. 2018. *Natur und Freiheit. Akten des XII. Internationalen Kant-Kongresses*. Berlin: De Gruyter, pp. 1023–1030.

Ferguson, M., 2012. Unsocial Sociability: Perpetual Antagonism in Kant’s Political Thought. In: E. Ellis, ed. 2012. *Kant’s Political Theory*. University Park: Penn State University Press.

Кант И. Опыт введения в философию понятия отрицательных величин // Собр. соч. : в 8 т. М. : Чоро, 1994г. Т. 2. С. 41–84.

Кант И. Физическая монадология // Собр. соч. : в 8 т. М. : Чоро, 1994д. Т. 1. С. 313–332.

Кант И. Критика чистого разума // Собр. соч. на нем. и рус. яз. М. : Наука, 2006. Т. 2, ч. 1.

Кант И. Метафизика нравов. Первая часть. Метафизические первоначала учения о праве // Соч. на нем. и рус. яз. М. : Канон-Плюс, 2014. Т. 5, ч. 1.

Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане // Соч. по антропологии, философии политики и философии религии : в 3 т. / под ред. Н. А. Дмитриевой, А. Г. Жаворонкова, А. Н. Круглова, В. А. Чалого. Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2024а. Т. 2 : Соч. по философии политики. С. 31–47.

Кант И. К вечному миру // Соч. по антропологии, философии политики и философии религии : в 3 т. / под ред. Н. А. Дмитриевой, А. Г. Жаворонкова, А. Н. Круглова, В. А. Чалого. Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2024б. Т. 2 : Соч. по философии политики. С. 159–211.

Кант И. О поговорке: “может быть, это и верно в теории, но не годится для практики” // Соч. по антропологии, философии политики и философии религии : в 3 т. / под ред. Н. А. Дмитриевой, А. Г. Жаворонкова, А. Н. Круглова, В. А. Чалого. Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2024в. Т. 2 : Соч. по философии политики. С. 250–361.

Кант И. Спор факультетов // Соч. по антропологии, философии политики и философии религии : в 3 т. / под ред. Н. А. Дмитриевой, А. Г. Жаворонкова, А. Н. Круглова, В. А. Чалого. Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2024г. Т. 2 : Соч. по философии политики. С. 250–361.

Круглов А. Н. Споры о Канте во время Великой Отечественной войны: взгляд спустя 75 лет после Победы. Часть I // Вопросы философии. 2020а. № 5. С. 192–209.

Круглов А. Н. Споры о Канте во время Великой Отечественной войны: взгляд спустя 75 лет после Победы. Часть II // Вопросы философии. 2020б. № 6. С. 169–189.

Кутейников А. Е., Чалый В. А. Политические идеи И. Канта и современные теоретические концепции международной организации // Кантовский проект вечного мира в контексте современной политики. Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2013. С. 185–194.

Кюн М. Кант. Биография. М. : ИД «Дело», 2021.

Лоро Н. Разделенный город. Забвение в памяти Афин. М. : Новое литературное обозрение, 2021.

Friedman, M., 1992. *Kant and the Exact Sciences*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Friedman, M., 2013. *Kant's Construction of Nature: A Reading of the Metaphysical Foundations of Natural Science*. Cambridge: Cambridge University Press.

Henry, J., 2023. Newton's 'De Aere et Aethere' and the Introduction of Interparticulate Forces into His Physics. *Annals of Science*, 80(3), pp. 232-267.

Howard, S., 2021. Kant on the Fundamental Forces of Matter: Why Attraction and Repulsion? *Kantian Review*, 26(3), pp. 413–433.

Jacob, M. C., 1976. *The Newtonians and the English Revolution, 1689-1720*. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press.

Kant, I., 1992a. *Attempt to Introduce the Concept of Negative Magnitudes into Philosophy*. Translated by D. Walford and R. Meerbote. In: I. Kant, 1992. *Theoretical Philosophy, 1755-1770*. Edited and translated by D. Walford and R. Meerbote. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 203-242.

Kant, I., 1992b. *The Employment in Natural Philosophy of Metaphysics Combined with Geometry, of Which Sample I Contains the Physical Monadology*. Translated by D. Walford and R. Meerbote. In: I. Kant, 1992. *Theoretical Philosophy, 1755-1770*. Edited by D. Walford and R. Meerbote. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 47-66.

Kant, I., 1996a. *On the Common Saying: That May Be Correct in Theory, but It Is of No Use in Practice*. Translated by M. J. Gregor. In: I. Kant, 1996. *Practical Philosophy*. Edited by M. J. Gregor. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 279-309.

Kant, I., 1996b. *The Conflict of the Faculties*. Translated by George di Giovanni. In: I. Kant, 1996. *Religion and Rational Theology*. Edited by A. W. Wood and G. Di Giovanni. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 233-328.

Kant, I., 1996c. *The Metaphysics of Morals*. Translated by M. J. Gregor. In: I. Kant, 1996. *Practical Philosophy*. Edited by M. J. Gregor. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 365-603.

Kant, I., 1996d. *Toward Perpetual Peace*. Translated by M. J. Gregor. In: I. Kant, 1996. *Practical Philosophy*. Edited by M. J. Gregor. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 317-351.

Kant, I., 2002. *Metaphysical Foundations of Natural Science*. Translated by M. Friedman. In: I. Kant, 2002. *Theoretical Philosophy after 1781*. Edited by H. E. Allison and P. Heath. Cambridge University Press, pp. 171-270.

Ньютон И. Математические начала натуральной философии. М. : Наука, 1989.

Ньютон И. Оптика. М. : Наука, 1954.

Протопопов Ю. К. Докритический Кант о взаимоотношениях двух родов противоположностей // Кантовский сборник. 1991. № 16. С. 147–151.

Саликов А. Н. Кант и современная теория международных отношений // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2013. № 12. С. 97–103.

Brading K., Stan M. *Philosophical Mechanics in the Age of Reason*. Oxford : Oxford University Press, Inc., 2024.

Eisler R. *Kant-Lexikon: Nachschlagewerk zu Kants sämtlichen Schriften, Briefen und handschriftlichem Nachlass*. Kant-Lexikon. Hildesheim ; Zurich ; N.Y. : G. Olms, 1930.

Esteves J. The Antagonism between Nature and Freedom in Kant's Philosophy // *Natur und Freiheit*. Akten des XII. Internationalen Kant-Kongresses / ed. by V. L. Waibel, M. Ruffing, D. Wagner. Berlin ; Boston : De Gruyter, 2018. P. 1023–1030.

Ferguson M. *Unsocial Sociability: Perpetual Antagonism in Kant's Political Thought* // *Kant's Political Theory: Interpretations and Applications* / ed. by E. Ellis. University Park, PA : Pennsylvania State University Press, 2012. P. 150–169. <https://doi.org/10.1515/9780271059860-008>.

Friedman M. *Kant and the Exact Sciences*. Cambridge, MA : Harvard University Press, 1992.

Friedman M. *Kant's Construction of Nature: A Reading of the Metaphysical Foundations of Natural Science*. Cambridge : Cambridge University Press, 2013.

Henry J. Newton's 'De Aere et Aethere' and the Introduction of Interparticulate Forces into His Physics // *Annals of Science*. 2023. Vol. 80, № 3. P. 232–267. <https://doi.org/10.1080/00033790.2023.2192721>.

Howard S. Kant on the Fundamental Forces of Matter: Why Attraction and Repulsion? // *Kantian Review*. 2021. Vol. 26, № 3. P. 413–433. <https://doi.org/10.1017/S1369415421000042>

Jacob M. C. *The Newtonians and the English Revolution, 1689–1720*. Ithaca, N.Y. : Cornell University Press, 1976.

Kant and the Sciences / ed. by E. Watkins. Oxford : Oxford University Press, 2001.

Kant-Lexikon / ed. by M. Willaschek, J. Stolzenberg, G. Mohr, S. Bacin. Berlin ; Boston : De Gruyter, 2015.

Laclau E., Mouffe C. *Hegemony and Socialist Strategy. Towards a Radical Democratic Politics*. 2nd ed. L. : Verso, 2001.

Kant, I., 2007. Idea for a Universal History with a Cosmopolitan Aim. Translated by A. W. Wood. In: I. Kant, 2007. *Anthropology, History, and Education*. Edited by G. Zöllner and R. B. Loudon. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 107-120.

Kant, I., 2012a. *Thoughts on the True Estimation of Living Forces and Assessment of the Demonstrations That Leibniz and Other Scholars of Mechanics Have Made Use of in This Controversial Subject, Together with Some Prefatory Considerations Pertaining to the Force of Bodies in General*. Translated by J. B. Edwards and M. Schönfeld. In: I. Kant, 2012. *Natural Science*. Edited by E. Watkins. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 1-155.

Kant, I., 2012b. *Universal Natural History and Theory of the Heavens or Essay on the Constitution and the Mechanical Origin of the Whole Universe According to Newtonian Principles*. Translated by Olaf Reinhardt. In: I. Kant, 2012. *Natural Science*. Edited by E. Watkins. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 182-308.

Krouglov, A., 2020a. Discussion about Kant during the Great Patriotic War: The Look 75 Years after the Victory. Part I. *Voprosy Filosofii*, 5, pp. 192-209. (In Rus.)

Krouglov, A., 2020b. Discussion about Kant during the Great Patriotic War: The Look 75 Years after the Victory. Part II. *Voprosy Filosofii*, 6, pp. 169-189. (In Rus.)

Kuehn, M., 2001. *Kant: A Biography*. Cambridge: Cambridge University Press.

Kuteinikov, A. E. and Chaly, V., 2013. Kant's Political Ideas and Contemporary Theories of International Organization. In: A. N. Salikov, ed. 2013. *Kant's Project of Contemporary Peace in the Context of Current Politics*. Kaliningrad: IKBFU Press, pp. 185-194.

Laclau, E., and Mouffe, C., 2001. *Hegemony and Socialist Strategy. Towards a Radical Democratic Politics. Second Edition*. New York: Verso.

Loraux, N., 2002. *The Divided City: On Memory and Forgetting in Ancient Athens*. New York: Zone Books.

Massimi, M., 2011. Kant's Dynamical Theory of Matter in 1755, and Its Debt to Speculative Newtonian Experimentalism. *Studies in History and Philosophy of Science, Part A*, 42(4), pp. 525-543.

McCloughan, M. J. B., 2003. *Kant's Theory of Progress*. London: University College London.

Newton, I., 1729. *The Mathematical Principles of Natural Philosophy*. Edited by J. Machin. Translated by A. Motte. Vol. 1. London: B. Motte.

Newton, I., 1756. *Four Letters from Sir Isaac Newton to Doctor Bentley: Containing Some Arguments in Proof of a Deity*. London: R. and J. Dodsley.

Massimi M. Kant's dynamical theory of matter in 1755, and its debt to speculative Newtonian experimentalism // *Studies in History and Philosophy of Science, Part A*. 2011. Vol. 42, № 4. P. 525–543. <https://doi.org/10.1016/j.shpsa.2011.09.008>.

McCloughan M. J. B. Kant's Theory of Progress. L. : University College London, 2003.

Newton I. Four Letters from Sir Isaac Newton to Doctor Bentley: Containing Some Arguments in Proof of a Deity. L. : R. and J. Dodsley, 1756.

Newton I. De aere et aethere // *Unpublished Scientific Papers of Isaac Newton*. Cambridge : Cambridge University Press, 1978. P. 214–228.

Pozzo R. Kant e Weitenkampf: Una fonte ignorata dell'*Allgemeine Naturgeschichte und Theorie des Himmels* e della prima antinomia della ragion pura // *Rivista di Storia della Filosofia*. 1993. Vol. 48, № 2. P. 283–323.

Ripstein A. Kant and the Law of War. Oxford : Oxford University Press, 2021.

Schönfeld M. The Philosophy of the Young Kant: The Precritical Project. N.Y. : Oxford University Press, 2000.

Schönfeld M., Thompson M. Kant's Philosophical Development // *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* / ed. by E. N. Zalta, U. Nodelman. 2014. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/sum2024/entries/kant-development/> (дата обращения: 20.02.2025).

Scott J. C. Seeing Like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed. New Haven ; L. : Yale University* Press, 1998.

Siemens H. Nietzsche and Kant as Thinkers of Antagonism: Towards a Philosophy of Conflict. Nietzsche and Kant as Thinkers of Antagonism. L. : Bloomsbury Academic, 2024.

Stan M. Kant's Natural Philosophy. Cambridge : Cambridge University Press, 2025.

Warren D. Kant on Attractive and Repulsive Force : The Balancing Argument // *Discourse on a New Method: Reinvigorating the Marriage of History and Philosophy of Science* / ed. by M. Domski, M. Dickson. Chicago ; La Salle : Open Court, 2010. P. 193–241.

Watkins E. The early Kant's (anti-) Newtonianism // *Studies in History and Philosophy of Science, Part A*. 2013. Vol. 44, № 3. P. 429–437. <https://doi.org/10.1016/j.shpsa.2012.10.015>.

Williams H. Kant's Political Philosophy. Oxford : Basil Blackwell, 1983.

Newton, I., 1978. De Aere et Aethere. In: I. Newton, 1978. *Unpublished Scientific Papers of Isaac Newton*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 214–228.

Newton, I., 1979. *Opticks: Or a Treatise of the Reflections, Refractions, Inflections & Colours of Light-Based on the Fourth Edition London, 1730*. New York: Dover Publications.

Pozzo, R., 1993. Kant e Weitenkampf: Una fonte ignorata dell'*Allgemeine Naturgeschichte und Theorie des Himmels* e della prima antinomia della ragion pura. *Rivista di Storia della Filosofia*, 48(2), pp. 283–323.

Protopopov, Y., 1991. Precritical Kant on the Relations between the Two Kinds of Opposites. *Kantian Journal*, 1(16), pp. 147–151. (In Rus.)

Ripstein, A., 2021. *Kant and the Law of War*. Oxford: Oxford University Press.

Salikov, A. N., 2013. Kant and Contemporary Theory of International Relations. *Vestnik IKBFU*, 12(12), pp. 97–103. (In Rus.)

Schönfeld, M. and Thompson, M., 2014. Kant's Philosophical Development. In: E. N. Zalta, ed. 2014. *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*, Winter 2014. Available at: <https://plato.stanford.edu/archives/win2014/entries/kant-development/> (Accessed 20.02.2025).

Schönfeld, M., 2000. *The Philosophy of the Young Kant: The Precritical Project*. Oxford: Oxford University Press.

Scott, J. C., 1998. *Seeing Like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed*. New Haven: Yale University Press.

Siemens, H., 2024. *Nietzsche and Kant as Thinkers of Antagonism: Towards a Philosophy of Conflict*. London: Bloomsbury Academic.

Stan, M., 2025. *Kant's Natural Philosophy*. Cambridge: Cambridge University Press.

Vinokurov, E. Yu., 2001. Kant's Political Philosophy in Contemporary Philosophical Discussions on Global Political Order. *Dissertation*. Kaliningrad: Kaliningrad University. (In Rus.)

Warren, D., 2010. Kant on Attractive and Repulsive Force: The Balancing Argument. In: M. Friedman, M. Domski, and M. Dickson, eds. 2010. *Discourse on a New Method: Reinvigorating the Marriage of History and Philosophy of Science*. Chicago: Open Court, pp. 193–241.

Watkins, E., ed. 2001. *Kant and the Sciences*. Oxford: Oxford University Press.

Watkins, E., 2013. The Early Kant's (Anti-) Newtonianism. *Studies in History and Philosophy of Science, Part A*, 44(3), pp. 429–437.

* Деятельность организации признана нежелательной на территории РФ.

Williams H. Kant's Optimism in his Social and Political Theory // *Essays on Kant's Political Philosophy* / ed. by H. Williams. Chicago : University of Chicago Press, 1992. P. 1–14.

Wood A. W. Unsociable Sociability: The Anthropological Basis of Kantian Ethics // *Philosophical Topics*. 1991. Vol. 19, № 1. P. 325–351.

Об авторах

Вадим Александрович **Чалый**, доктор философских наук, профессор, философский факультет, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

E-mail: vadim.chaly@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7570-3382>

Дарья Андреевна **Козлова**, политологический факультет, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

E-mail: Daryak.msu@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-8201-3145>

Дмитрий Павлович **Жуков**, философский факультет, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

E-mail: zhukovdp@my.msu.ru

ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-7680-6907>

Для цитирования:

Чалый В. А., Козлова Д. А., Жуков Д. П. Смысл и функции понятия антагонизма в философии Канта // Кантовский сборник. 2026. Т. 45, № 1. С. 7–39.
<https://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2026-1-1>

© Чалый В. А., Козлова Д. А., Жуков Д. П., 2026.

Willaschek, M., Stolzenberg, J., Mohr, G., and Bacin, S., eds. 2015. *Kant-Lexikon*. Berlin: De Gruyter.

Williams, H., 1983. *Kant's Political Philosophy*. London: Basil Blackwell.

Williams, H., 1992. Kant's Optimism in His Social and Political Theory. In: H. Williams, ed. 1992. *Essays on Kant's Political Philosophy*. Chicago: University of Chicago Press.

Wood, A. W., 1991. Unsociable Sociability: The Anthropological Basis of Kantian Ethics. *Philosophical Topics*, 19(1), pp. 325-351.

Translated from the Russian by Evgeni N. Filippov

The authors

Prof. Dr Vadim A. **Chaly**, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

E-mail: vadim.chaly@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7570-3382>

Darya A. **Kozlova**, Faculty of Political Studies, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

E-mail: Daryak.msu@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-8201-3145>

Dmitry P. **Zhukov**, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

E-mail: zhukovdp@my.msu.ru

ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-7680-6907>

To cite this article:

Chaly, V. A., Kozlova, D. A. and Zhukov, D. P., 2026. The Meaning and Function of the Concept of Antagonism in Kant's Philosophy. *Kantian Journal*, 45(1), pp. 7-39.

<https://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2026-1-1>

© Chaly V. A., Kozlova D. A., Zhukov D. P., 2026.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://creativecommons.org/licenses/by/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://creativecommons.org/licenses/by/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))